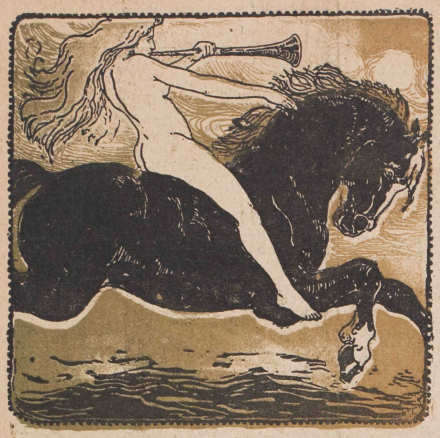
ЦѢНА 5 КОП.



ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 3

СОДЕРЖАНІЕ:

НЕГАТИВЫ. — ГОДОВЩИНА. — РѢЧЬ СЪ ТОГО СВѢТА. — ТЕЛЕВОЛОКИТА. — СВЯТОТАТСТВО. — ЛИТЕРАТУРНЫЙ МІРЪ. — ОРГІАСТЫ. ВАКХЪ. — ТЕАТРЪ. — ВЪ ГОРОДѢ. НЕ-ТЕАТРАЛЪ. — ГУГО НАМЕДНИ. МЫ — ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ. — ПОСЛѢ ОБѢДА. ВЕСЕЛЫЙ АРЕСТАНТЪ. — МУЗЫКА. — КОНЦЕРТЪ В. СЕНИЛОВЪ. — ФЕЛЬЕТОНЫ: ТОЛПА. В. РОСЛАВЛЕВЪ. — ПРОГУЛКА КАДЕТА. ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ. — ЦАРИ И ЦАРИЦЫ ВОЗДУХА. Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ. — МАСКАРАДЪ Н. ШЕБУЕВЪ. — ШАРЖИ. — ИБСЕНЪ И В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ. Н. В. РЕМИЗОВЪ (РЕМИ). — КОНКУРСЪ ПОЭТОВЪ. — ПОРТРЕТЪ С. П. МАРГОЛИНА.

ГОДОВЩИНА.

Годъ тому назадъ вышелъ первый номеръ Пулемета.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло.

Еще больше крови.

Отшумѣла первая кадетская дума.

Ушли отъ власти графъ Витте и еще не графъ Дурново,—такъ талантливо потрудившіеся надъ доставленіемъ матеріала для первыхъ номеровъ Пулемета.

Ушли отъ подчиненія г.г. Манухинъ и Акимовъ,—такъ талантливо потрудившіеся во имя свободы слова вообще и моей въ частности.

Ушли отъ жизни Треповъ и Марголинъ,—первый первопричина того, что я попалъ въ крѣпость, второй первопричина того, что я попалъ только въ крѣпость.

Ушли отъ смерти... многіе ушли отъ смерти.

Только годъ прошелъ.

Но какъ на войнѣ, его надо считать за нѣсколько лѣтъ.

Все постарѣло вокругъ на нѣсколько лѣтъ.

Даже кадеты.

Живые покойники.

Покойные живчики.

Они умерли, оставивъ намъ «богатое» наслѣдство.

И всѣ мы нехотя дѣлимъ кадетское наслѣдство.

Вводясь въ наслѣдство, многіе и не думали, что пассивъ его настолько превышаетъ активъ.

Только годъ прошелъ, и какъ все измѣнилось!

Начать съ того, что пресловутый овесъ, которымъ питались круглый годъ юмористы, превратился въ... клозетъ фирмы Лидваль.

Овесъ и клозетъ, — это даже не риѳмы.

Но если вдуматься глубже въ эту модификацію,—въ ней глубокій общественный смыслъ.

Овесъ выросъ въ клозетъ.

Оглянитесь вокругъ, и вы увидите, что многое выросло точно также.

Бѣдные юмористы!..

Особенно крупнымъ имѣненіямъ подверглись — рента и судебные залоги.

Рента и залогъ!—казалось бы, что между ними общаго.

А между тѣмъ они танцевали pas des deux.

Когда рента опускалась—залогъ тоже опускался, и наоборотъ.

Начала рента съ 74, а залогъ съ 10.000 рублей.

Это было ровно годъ тому назадъ, когда мнѣ первому было суждено внести въ депозитъ суда 10.000 рублей.

Это былъ прецедентъ, на который долго опиралась прокуратура, предлагая и другимъ редакторамъ покупать свои дни свободы за такую бѣшеную цѣну.

Затѣмъ рента начала понижаться.

И очень круто.

Облюбовавъ цифру 69, она такъ долго торчала на ней, что ужасъ охватилъ даже вовсе не робкихъ.

— Какъ Богъ терпитъ! Я понимаю, вынести слезы, вздохи, проклятія, мольбы, стоны, пожары, погромы... Но какъ небо терпитъ, чтобы рента была 69!—спрашивали одни.

— Ему оттуда, сверху, кажется 96!—отвѣчали другіе.

Еще круче сталъ понижаться залогъ.

5000 р.,—3000 р.,—1000 р.

Даже—300 р.

За 10000 рублей можно было выпустить на волю 33,(3) редактора!

Вотъ какія были времена.

Но теперь и рента, и залогъ вернулись къ тому, съ чего начали.

Рента—74.

Залогъ—10000 р.

Только сегодня прочелъ въ газетахъ, что съ А. В. Зенгера, редактора «Молвы», и г. Долгова, редактора «XX Вѣка», прокуроръ требуетъ по 10000 р.

Отчего зависитъ это повышеніе курса?

Рента—отъ биржевой игры.

Но неужели биржа вліяетъ и на залоги.

Какъ будто существуетъ акціонерное общество подъ закладъ редакторовъ и эти редакторскія закладныя котируются на биржахъ!

Да, они котируются на политической биржѣ.

Ровно годъ тому назадъ эти закладныя стоили 10,000.

И теперь они снова 10,000.

Ровно годъ рента была 74.

И теперь—74.

Слѣдовательно, министерство юстиціи оказалось на такой же высотѣ, какъ и министерство финансовъ.

РѢЧЬ С. П. МАРГОЛИНА.

Прошелъ только годъ, какъ Сергѣй Павловичъ меня защищалъ. И вотъ приходится мнѣ его защищать.

Онъ умеръ и все его наслѣдство раздѣлили. Вѣрнѣе, дѣлятъ.

Дѣла уже разобрали.

Остались рѣчи.

Какъ это ни странно, а въ настоящее время большой шумъ стоитъ въ адвокатскомъ мірѣ именно вокругъ его рѣчи.

За два-три дня до своего отъѣзда заграницу С. П. былъ у меня въ тюрьмѣ.

Говорили много о Гапонѣ, о его смерти.

С. П., который придавалъ этому дѣлу крупнѣйшее общественное значеніе, разсказывалъ, съ какой стороны хочетъ онъ освѣтить Гапоніаду.

Онъ былъ молодъ въ своемъ разсказѣ.

Но когда окончилъ, почудилась большая усталость въ его глазахъ и позѣ.

— Мнѣ страшно нужно отдохнуть. Отдыхайте вы здѣсь, въ тюрьмѣ, а я поѣду въ заграницу.

— Да, въ Россіи теперь не отдохнешь.

— Въ Россіи можно отдыхать только въ тюрьмѣ. Въ сущности говоря, вы уже живете теперь заграницей. Какъ враги бываютъ внѣшніе и внутренніе, есть заграница внѣшняя и внутренняя.

Онъ много говорилъ о какой-то карточкѣ г. Рачковскаго, найденной въ карманѣ Гапона.

Строилъ разныя гипотезы, порой до страшнаго остроумныя и правдоподобныя.

— Ну, а какъ нашъ Небогатовъ? (Съ Небогатовымъ познакомилъ С. П—ча я, такъ какъ злополучный адмиралъ обратился, ища защиты у общества, ко мнѣ. Дѣло это представлялось такимъ общественно-яркимъ, что я потратилъ не мало времени на детальное ознакомленіе съ нимъ.

Тюрьма оторвала меня отъ его дѣла.

Но теперь копія съ обвинительнаго акта снова лежитъ у мена на столѣ, я возобновляю въ памяти матеріалъ и въ слѣдующемъ номерѣ начну его освѣщеніе на столбцахъ своей газеты).

— О, это такое же громкое дѣло какъ Гапоніада.

Я страстно изучалъ его. Оно у меня уже все въ головѣ. А частью даже на бумагѣ.

Вчера я продиктовалъ Лидіи Александровнѣ рѣчь, которой начну защиту злополучнаго адмирала.

Я зналъ, что С. П. никогда не произноситъ въ судѣ тѣхъ рѣчей, которыя вкратцѣ пишетъ въ своемъ кабинетѣ. По крайней мѣрѣ не произноситъ ихъ цѣликомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ написаны.

Его рѣчи въ судѣ—всегда импровизація.

ГРАЖДАНЕ, ВЫБИРАЙТЕ КАДЕТОВЪ!

—ВОКРУГЪ МОЕГО ИМЕНИ ОНИ МОГУТЪ УСТРАИВАТЬ ИСТОРІИ, НО МОЕГО ИМЕНИ ВЫКИНУТЬ ИЗЪ ИСТОРІИ ИМЪ НЕ УДАСТСЯ.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ ОДИНЪ РУБЛЬ
СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП, НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 20 КОП. ЗА СТРОКУ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ: КОВЕНСКІЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

№№ 2, 3 и 4 „ПУЛЕМЕТА" ПО 10 КОП., (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 15 КОП.).
ВЫПУСКИ 1, 2 И 3 „СОЧИНЕНІЙ ШЕБУЕВА" ПО 15 КОП. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 20 КОП. ЗА ВЫПУСКЪ
КНИГИ: 1) „БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ"—35 ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАСКАЗОВЪ (ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И. М. ГРАБОВСКАГО).
2) „ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА" И НЕГАТИВЫ ИЗЪ РУСИ.
3) „НЕГАТИВЫ" ИЗЪ РУССКАГО СЛОВА.
4) „НЕГАТИВЫ" ИЗЪ РУСИ.

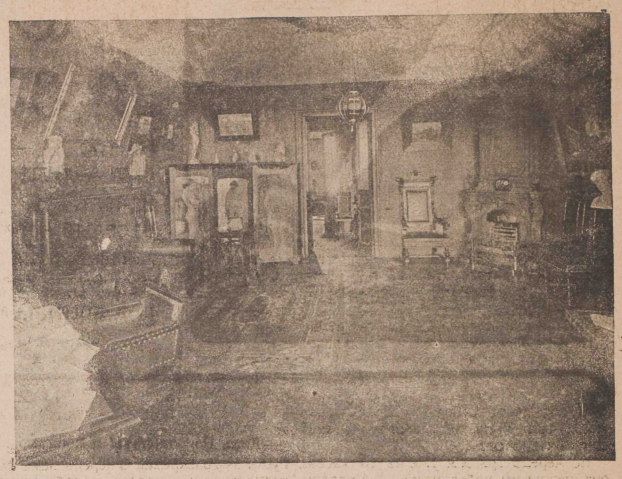
ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.
ОСТАЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ РАСПРОДАНЫ.

ВЪ Г. МОСКВѢ „ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ А. А. ЯРЦЕВА, САДОВАЯ—ТРІУМФАЛЬНАЯ, БЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, КВ. № 58.

ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ „ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА" ВЫШЕЛЪ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч.
КОВЕНСКІЙ. 14. ТЕЛЕФ. 41-43.

РЕДАКЦІЯ ПУЛЕМЕТА.



Такими были и его рѣчи по моимъ процессамъ. Но я зналъ, что онъ всегда передъ процессомъ добросовѣстно пишетъ рѣчи. Я зналъ, что именно, этой рѣчи о Небогатовѣ С. П. въ судѣ не произнесетъ, но всетаки она меня сильно заинтересовала. С. П. обѣщалъ познакомить меня съ нею. Но не успѣлъ.

Вотъ вокругъ этой то рѣчи и загорѣлся теперь сыръ-боръ...

Она пропала.

Но въ обществѣ говорятъ, что она не пропала, а экспропріирована однимъ изъ наслѣдниковъ С. П—ча, который и хочетъ ее произнести на судѣ отъ своего имени.

Другіе наслѣдники будто бы оспариваютъ наслѣдство. Въ результатѣ—ссора.

И въ концѣ концовъ рѣчь Марголина отъ чьего бы то ни было имени можетъ и вовсе не появиться на судѣ.

Между тѣмъ для Небогатовскаго дѣла важно и интересно, чтобы это слово съ того свѣта было произнесено защитой.

И непремѣнно отъ имени покойнаго.

Этотъ загробный голосъ произведетъ громадное впечатлѣніе на все русское общество.

Судъ впервые услышитъ холодное, вѣское слово, вѣчно-горячаго импровизатора.

Пусть въ права остального наслѣдства вводятся какіе угодно наслѣдники.

Но рѣчь Марголина по Небогатовскому дѣлу,—это общественное достояніе. Это наслѣдство, которое должно получить русское общество.

Пусть самъ судъ ведетъ русское общество во владѣніе этимъ наслѣдствомъ.

ТЕЛЕВОЛОКИТА.

Мое дѣло — общее дѣло и то, что я вамъ разскажу сейчасъ, вы, вѣроятно, слышали сотни разъ. Весь городъ говоритъ, о томъ, что на телефонѣ берутъ взятки.

Передо мной только что вернувшійся изъ за границы крупный комерсантъ А. С. З—ъ.

— Раньше я не вѣрилъ этому, но теперь испыталъ на себѣ и не могу не вѣрить. Я подалъ прошеніе еще въ декабрѣ 1904 года.

Въ правленіе ходилъ лично десять разъ. Своихъ служащихъ посылалъ еще чаще. Отвѣчаютъ весной—«непремѣнно получите осенью», осенью—«непремѣнно будетъ весной!» Лѣтомъ и зимой говорятъ—погодите! И я все гожу, все гожу вотъ уже два года. Братъ мой, подавшій прошеніе позже меня, тоже годилъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ со мной. Вдругъ въ одинъ прекрасный день прихожу,—у него телефонъ 24609.

— Откуда? Какимъ образомъ?

— Не образомъ, говоритъ, а тремя пятишнами отдѣлался.

Нужно знать, кому дать, и въ Россіи все получишь.

Возмущенный, я прихожу въ правленіе и объясняюсь.

На мое обвиненіе во взяточничествѣ обѣщали разслѣдовать это дѣло и меня пригянуть къ суду.

— Пожалуйста! — Я брату вѣрю и имѣю доказательства.

Но не сдѣлали ни того, ни другого. Видно не привыкать имъ выслушивать подобныя обвиненія.

Я же, напротивъ, не оставилъ, этого дѣла и началъ разспрашивать своихъ знакомыхъ, какимъ образомъ они получали свои телефоны.

Оказалось, что многіе изъ нихъ «ускоряли» путемъ 20—25 рублей

Запишите адреса моихъ сосѣдей почтенныхъ коммерсантовъ Р. и Е...

Они не откажутся на судѣ подтвердить то, о чемъ всѣ говорятъ, что и всѣ терпятъ.

Телефонъ теперь предметъ первой необходимости и налогъ на него въ 25 р. я считаю явленіемъ безобразнымъ.

Мнѣ жаль дать взятку. Но мнѣ противно ее давать.

Принципіально противно. Обратите на это вниманіе общества. Пусть правленіе не пугаетъ судомъ, а дѣйствительно судится, если оно увѣрено въ своей чистотѣ.

Беретъ взятку, конечно, не само правленіе, а низшіе агенты. Но какимъ образомъ фактически достигается «ускореніе». Этого по моимъ понятіямъ безъ вѣдома правленія достичь невозможно.

На прощанье г. З—ъ разсказалъ мнѣ, что на дняхъ, спустя почти два года послѣ поданнаго прошенія, къ нему явился какой-то телефонный чинъ.

— Вы у насъ записаны. Желаете-ли вы дѣйствительно получить телефонъ?

Я изумился:

— Если бы не желалъ, такъ не подавалъ бы грошенія.

— Прошеніе подано такъ давно, что за это время вы могли раздумать, уѣхать, разориться, умереть и т. д. Вы должны подтвердить свое желаніе.

— Подтверждаю. Я желаю во что бы то ни было имѣть телефонъ.

— Такъ вы его получите въ 1907 г.

Что это какъ не издѣвательство!—воскликнулъ мой кліентъ.

— Неужели они въ самомъ дѣлѣ ждутъ, когда мы вымремъ. . . . . .

Вопросъ о телевзяточничествѣ и теловолокитѣ не новый вопросъ.

Обращаю на него вниманіе кого слѣдуетъ. Пусть правленіе разслѣдуетъ дѣло и очиститъ себя отъ грязныхъ подозрѣній...

Пусть оно докажетъ, что г. З—ъ лжетъ или увлекается.

Я охотно выслушаю его объясненіе.

СВЯТОТАТСТВО.

— Прошу у васъ защиты.

— Чѣмъ могу служить?

— У меня отнимаютъ Лѣтній садъ.

— Я васъ не понимаю.

— У меня отнимаютъ Лѣтній садъ. Чего же тутъ непонятнаго? Я привыкъ къ нему, къ какъ воздуху, солнцу. Я всю жизнь свою изо дня въ день гулялъ въ немъ. Всю жизнь свою, а теперь я уже старикъ.

— Но почему же именно у васъ отнимаютъ этотъ садъ?

— Если вы петербуржецъ по рожденію и воспитанію, такъ значитъ и у васъ его отнимаютъ.

— Неужели его желаютъ закрыть?

— Напротивъ. Его желаютъ еще больше открыть. Неужели вы не слыхали, что къ концу близятся переговоры о сдачѣ его въ аренду и о разрѣшеніи открытія въ немъ буфета!

— Не можетъ быть!.. Развѣ опытъ Балашева ничему не научилъ! Да при Балашевѣ Лѣтній садъ былъ хуже и неприличнѣе Зоологическаго.

— Да. Невѣроятно, но фактъ. Лѣтній садъ опять хотятъ сдѣлать балашевкой. Въ немъ заведутъ кабакъ. Его отнимутъ отъ играющихъ дѣтищекъ, которыя еще не умѣютъ любить, и отдадутъ заигрывающимъ дѣвченкамъ, которыя уже не умѣютъ любить. Его отнимутъ отъ типичныхъ отставныхъ генераловъ и генеральшъ которые такъ степенны и безконечно приличны, и отдадутъ пьянымъ саврасамъ, которые такъ буйны и безконечно неприличны. Его отнимутъ...

— Ну, отставныхъ генераловъ-то мнѣ не жаль. Но Лѣтняго сада вообще жаль безконечно! Я любилъ его, какъ поэтъ, а его хотятъ превратить въ балашевку. Нѣтъ, это невозможно. Это только слухъ, ни на чемъ не основанный слухъ!..

— Дѣло почти оформлено и черезъ нѣсколько времени вы убѣдитесь въ этомъ.

Но я не могъ повѣрить моему, заслуживающему всякаго довѣрія посѣтителю.

Возможно ли это?

У насъ существуетъ Археологическое общество, которое зорко слѣдитъ за поддержаніемъ памятниковъ старины.

Сдать садъ въ аренду буфетчику—развѣ это не такое же святотатство, какъ надѣть грязную лохань на голову великолѣпнаго коннаго памятника Петра Великаго.

СЛУШАЙ, ИЗРАИЛЬ!

Опять еврейская пьеса. Но на этотъ разъ удивительно талантливая.

Я прослушалъ ее вчера на уютномъ вечерочкѣ у З. В. Холмской и А. Р. Кугеля редактора «Театра и Искусства».

Я назвалъ бы вечеръ сорежиссеріемъ, какъ бываютъ созвѣздія.

Тутъ присутствовали работающіе и безработные режисеры разныхъ театровъ: гг. Красовъ, Волынскій, Санинъ, Арбатовъ, артистъ Далматовъ, журналисты Боцяновскій и г-жи Е. К. Суворина, М. А. Петапенко и моя жена.

Авторъ пьесы талантливый сотрудникъ моей газеты О. И. Дымовъ.

Названіе—«Слушай, Израиль!»

Эльяшевъ. Я больше всего прожилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испытывалъ. Каждый еврей, рождаясь на свѣтъ, долженъ быть готовъ къ тому, что его ждетъ несчастія. Если у него есть домъ, его можетъ уничтожить пламя. Если у него есть имущество, онъ каждую минуту можетъ сдѣлаться нищимъ Если у него есть дѣти — онъ лишится ихъ. Такъ ужъ происходитъ много сотенъ лѣтъ. И если съ кѣмъ нибудь изъ насъ такъ не происходитъ, то это счастливая случайность.

Аронъ.—Почему же это такъ?

Эльяшевъ. Евреи самый древній народъ. Это—сѣдые волосы человѣчества. Время дѣлаетъ цѣнными не только предметы, но и людей, но и цѣлые племена. Мы старая гвардія у трона...

Аронъ. А! У Его трона!

Эльяшевъ. И тамъ, гдѣ распредѣляются несчастія мы всегда первые. Быть несчастливыми—это почетная высокая обязанность и надо умѣть ее заслужить. Если въ семьѣ случится, что-нибудь важное, то вѣдь вы пошлете улаживать дѣло самаго разумнаго, самаго доблестнаго, а не самаго неразумнаго и лѣниваго.

2-й Еврей. — Слушайте, что онъ говоритъ.

Эльяшевъ. Еврейскій народъ — избранный народъ. Что это значитъ? Это значитъ, что когда гнѣвается Господинъ, мы ближе всего окружающія его тронъ, должны принять первые, принять силу Его гнѣва на себя, такъ что на долю другихъ остается уже совсѣмъ мало. Развѣ это не почетно.

1-й Еврей. Это очень горькій почетъ.

Эльяшевъ. Да, но за то къ трону мы ближе всѣхъ...

Слушай, Израиль! Это говоритъ Осипъ Дымовъ, тотъ самый Осипъ Дымовъ, разсказы котораго заставляютъ смѣяться до слезъ.

И плакать до смѣха.

Тотъ самый Осипъ Дымовъ, который написалъ трагичнѣйшую шутку, стоящую цѣлой пьесы.

Вотъ она цѣликомъ:

Сказка о всемилостивѣйшихъ государяхъ, о преудалыхъ министрахъ, о храбрыхъ генералахъ, о неограниченномъ самодержавіи, о храбромъ либерализмѣ, о высочайшемъ манифестѣ, о долгожданной конституціи и о бѣдномъ евреѣ.

«Жилъ бѣдный еврей. Что ни случалось,—его не били».

Вотъ вся сказка... Слушай, Израиль!

Н. Ш.

Милостивый Государь!
Сборникъ Шебуевъ
обращается къ Вамъ,
какъ къ Тряпичнику
Литературному
Отъ имени Кривой
Запятой моего Дѣда
Я ничего не пишу,
Кромѣ исчисленія.
Георгій Тапкинъ.
Ф.Ф.Ф.
25-го Февр.

ТЮРЬМОВѢДЕНІЕ

ПОСЛѢ ОБѢДА.

До обѣда смѣло можете писать письма къ родителямъ. Не особенно торопитесь, потому что у васъ времени еще порядочно. Вѣдь, обѣдаютъ въ тюрьмѣ въ 11 часовъ.

Первые дни желудокъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ такого болѣе чѣмъ буколическаго спозаранка.

Онъ брезгливо отворачивается отъ бурдообразныхъ суповъ, поданныхъ въ такой часъ, когда на свободѣ онъ привыкъ пить кофе.

Но черезъ три дня уже въ 10 часовъ онъ начинаетъ побуркивать:—«А хорошо бы, чортъ возьми, поцинготничать»!..

И цинготный супъ, приправленный такою спецѣй, какъ голодъ, кажется ему желаннымъ гостемъ.

Пообѣдаете вы къ половинѣ двѣнадцатаго. Поковыряете въ зубахъ. Помоете посуду (—вашу собственную, т. е. ложку, роговой ножикъ и вилку) и... для васъ начинается то милое время между обѣдомъ и театромъ, на которое падаютъ сумеречные тоны, блики догорающаго камина, молчаливая грустно-радостная бесѣда съ любимой женщиной, мѣрные всплески качалки, словно лодка васъ уноситъ куда-то далеко-далеко, въ царство сказки и очарованія.

Французы зовутъ это уютно интимное время entre chien et loup.

А въ тюрьмѣ оно приходится на 12 час. и протекаетъ все, а giorno.

Въ это время можете читать, мечтать, философствовать, заниматься политикой, сочинять стихи. Старайтесь быть непринужденно веселымъ. Помните пѣсенку Беранже.

Chantez, chantez, ma bellez
Chantez, chantez toujours...

Черезъ куплетъ поэтъ совѣтуетъ:

Valsez, valsez ma belle...

И это недурно. Вальсъ полируетъ кровь. Смѣхъ—мозгъ.

Маленькая гимнастика необходима. До ужина у васъ пять часовъ и два кипятка.

Кипятки скрашиваютъ вашу жизнь. Вы завариваете чай. Ждете, когда онъ настоится. Рѣжете лимонъ. И въ это время у васъ просыпаются инстинкты буржуа.

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ онъ ни отпирайся, сидитъ таки буржуй и въ самые для васъ неожиданные моменты вдругъ потираетъ руки и восклицаетъ:

— А вѣдь я, чортъ возьми, хозяйственно устроился.

Кипяткъ вноситъ иллюзію хозяйственности.

Но главнымъ образомъ читайте, пока свѣтло.

Читайте Достоевскаго—пусть онъ введетъ васъ въ страну униженныхъ и оскорбленныхъ. Читайте Сѣрошевскаго—пусть онъ раскрываетъ передъ вами бытъ прокаженныхъ—предѣлъ скорби. Читайте Успенскаго—пусть передъ вами возобновляются нравы потерянныхъ растеряевцевъ. Читайте Мельшина,—пусть передъ вами промелькнутъ во всей ихъ отвратительной подробности сцены каторжной жизни. Но лучше всего читайте еврейскіе разсказы Юшкевича,—вотъ гдѣ и бытъ прокаженныхъ, и бытъ каторжниковъ, и бытъ униженныхъ и оскорбленныхъ,—всѣ быты слились.

И когда вы оторветесь отъ этого предѣла скорби, вамъ покажется миленькой, жантильной бонбоньерочкой ваша камера, а бытъ «крестовъ»—великолѣпнымъ бытомъ.

Чего вамъ еще надо!—У васъ есть кусокъ хлѣба, и кровъ, и отопленіе, и освѣщеніе, и книги....

Вы—стипендіатъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вы счастливчикъ, баловень судьбы,—вотъ кто вы!

И буржуа снова потираетъ руки.

— А не заварить ли мнѣ еще чаю!

Чаю вы за день набухаете столько что чайникъ распухнетъ.

Но тѣмъ лучше,—завтра будетъ чѣмъ мести полъ!

Библіотека въ Крестахъ порядочная. Въ Предварилкѣ тоже ничего. Въ пересыльной же никуда не годится.

Въ Крестахъ книги только на русскомъ языкѣ, — это вѣроятно потому что библіотекой завѣдуетъ тюремный священникъ.

Книги вы можете мѣнять каждый день. Должны прочитанную высунуть въ форточку до 12 часовъ и въ тотъ же день часа въ 3—4 получите новую по вашей выпискѣ изъ каталога.

Отличная штука — книга. Ею можно бы весь день наполнить.

Но къ сожалѣнію недостатки освѣщенія даютъ себя скоро почувствовать.

Глаза устаютъ. Слезятся. Окно вѣдь высоко и далеко. А лампочка — еще больше. — она въ центрѣ сводчатаго потолка, — на саженной высотѣ отъ поверхности вашего стола, гдѣ лежитъ ваша книжка.

Совѣтую не злоупотреблять чтеніемъ и подыскивать себѣ болѣе безопасныя развлеченія.

Таковыми могутъ быть:

Но о развлеченіяхъ въ слѣдующей главѣ. Чу, форточка открывается.

— Ужинъ.

Если вы подписчикъ на цинготный обѣдъ, вамъ подаютъ кашу, если на больничный средній — кашицу.

Почти всѣ тѣла въ природѣ какъ мы знаемъ по физикѣ могутъ быть подаваемы въ трехъ видахъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ.

Даже воздухъ.

Такъ же и каша.

Цинготная каша — это каша въ твердомъ состояніи, кашица — каша въ жидкомъ состояніи.

Каши въ газообразномъ состояніи въ тюрьмѣ не подавали. А, жаль. Можетъ быть, она-то и была бы съѣдобной и не воняла бы не то крысой не то псиной.

У меня лично на ужинъ остается всегда мой компотъ. Подбавлю къ нему апельсинныхъ ломтиковъ, уздобліи сахаромъ, — и чувствую себя итальянцемъ, хотя по совѣсти говоря тѣ трупы фруктовъ, которые подаютъ въ компотѣ сильно нуждаются въ удостовѣреніи личности.

Не то яблоко, не то моче-наа слива, не то винная ягода, плаваетъ въ лужѣ мутноватаго и грязноватаго цвѣта.

Поужинавъ, до кипятка стучите сосѣду.

Самый употребительный ключъ въ Крестахъ такой:

	1	2	3	4	5
1	А	Б	В	Г	Д
2	Е	Ж	З	И	К
3	Л	М	Н	О	П
4	Р	С	Т	У	Ф
5	Х	Ц	Ч	Ш	Щ
6	Ы	Ю	Я	—	—

Вамъ нужно, напримѣръ, выстукать ваше имя — Николай.

Н — находится въ третьемъ ряду на третьемъ мѣстѣ.

Вы стучите:

— Тукъ-тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ!

И—во 2-мъ ряду на четвертомъ мѣстѣ.

Тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!

К — Тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!

О — Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ. Тукъ-тук-тукъ.

Затѣмъ: Тукъ. Тукъ.

— Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ.—Тукъ-тукъ тукъ-тукъ-укъ-тукъ.

И дѣлаете по стѣнѣ росчеркъ, чтобы показать что слово окончено.

Когда привыкнете разговоръ пойдетъ быстро... если бы было о чемъ разговаривать.

У уголовнаго сосѣда вашего новостей еще меньше чѣмъ у васъ, да и тѣ новости не того порядка.

Но вотъ:

— Кипятокъ.

Вашъ сосѣдъ и вы предаетесь прелестямъ буржуазнаго времяпровожденія.

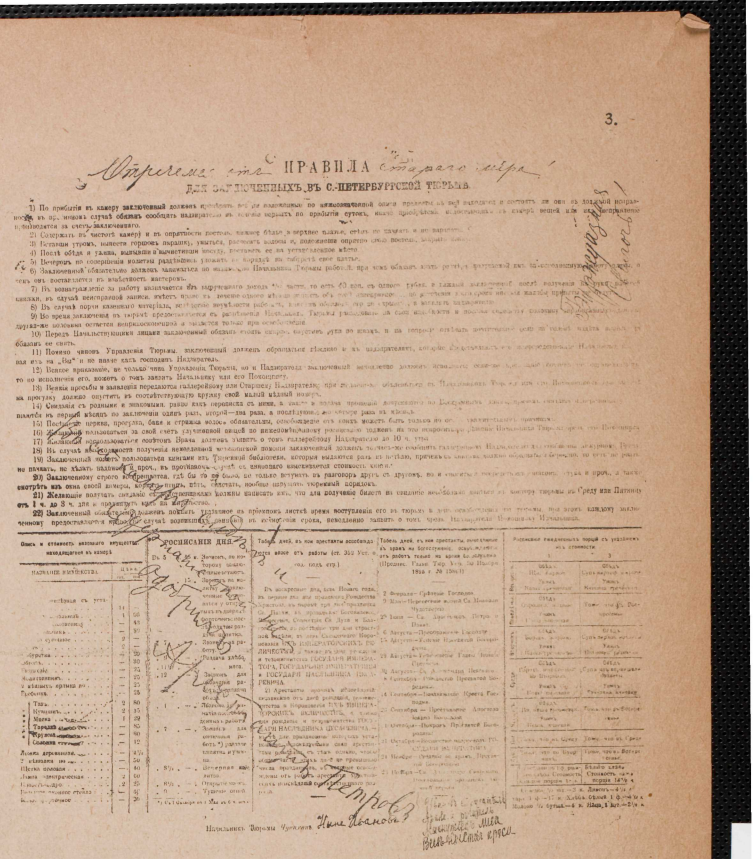
Около девяти часовъ внизу раздается уголовная хоровая молитва.

Въ девять тухнетъ электричество...

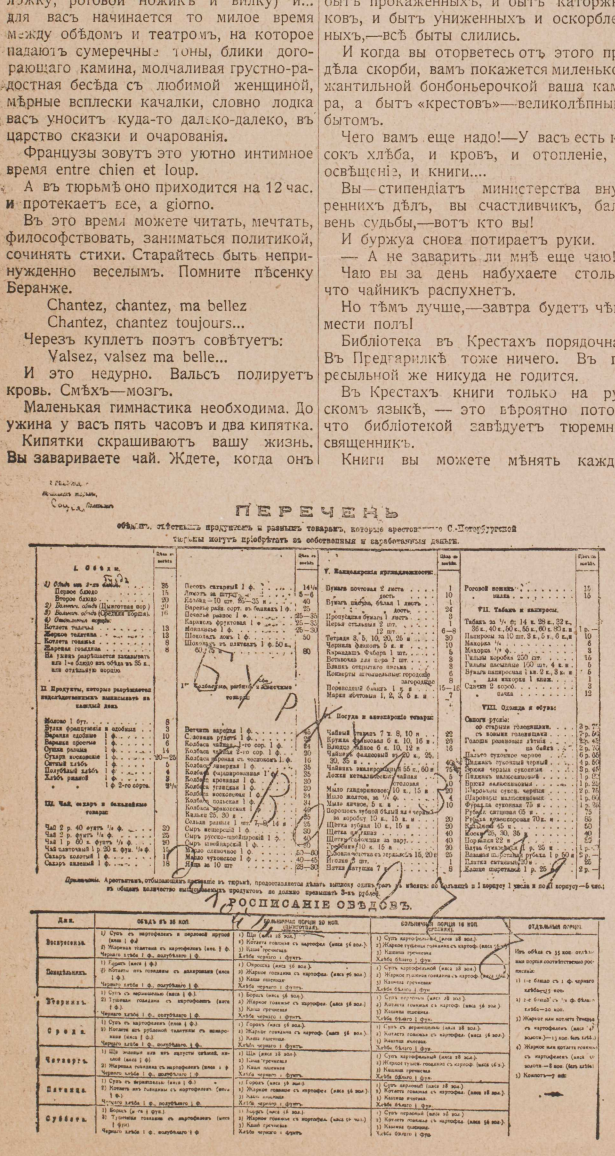
Такъ незамѣтно прошелъ день.

Осталось только 364!

Н. ШЕБУЕВЪ.

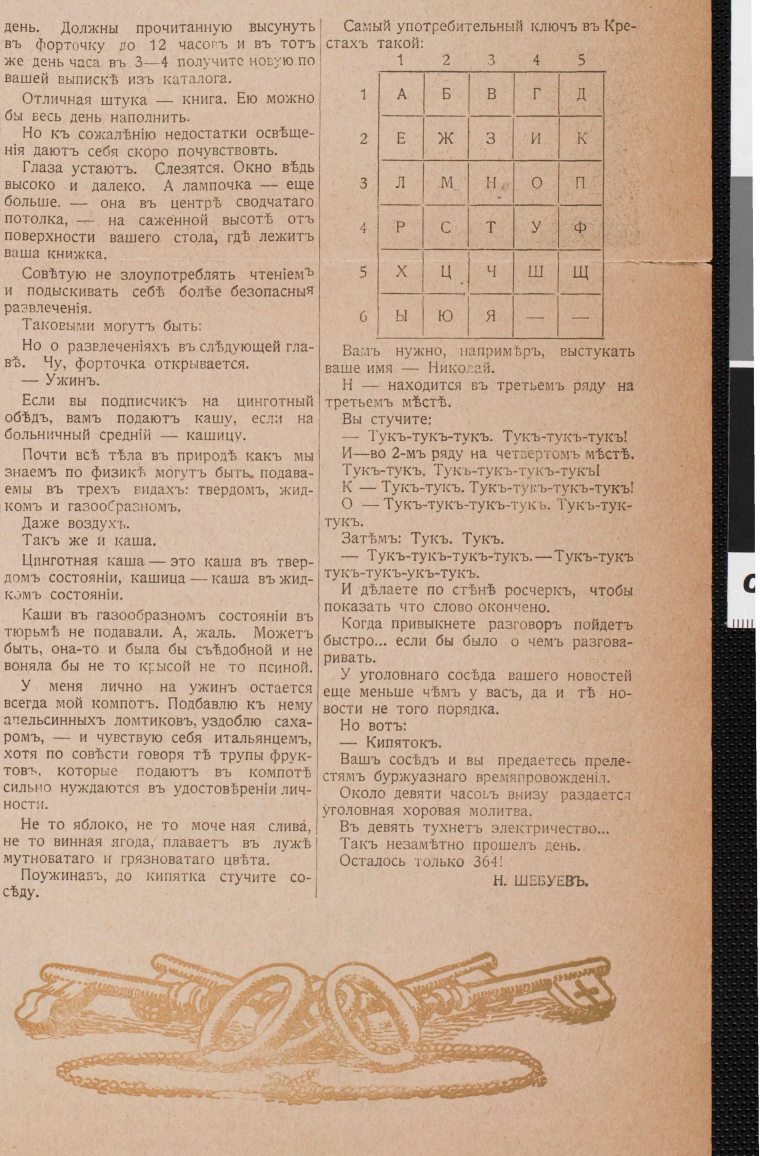


ПРАВИЛА
ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЮРЬМѢ.



ПЕРЕЧЕНЬ
ОБѢДНЫХЪ СЪѢСТНЫХЪ ПРОДУКТОВЪ И РАЗНЫХЪ ТОВАРОВЪ, КОТОРЫЕ АРЕСТАНТЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЮРЬМЫ МОГУТЪ ПРІОБРѢТАТЬ ИЗЪ СОБСТВЕННЫХЪ И ЗАРАБОТАННЫХЪ ДЕНЕГЪ.

РОСПИСАНІЕ ОБѢДОВЪ.



Не говори съ тоской:—«ихъ нѣтъ!»
Иль съ благодарностью:—«были!»
Они стремились въ кабинетъ
И о народѣ позабыли...

I

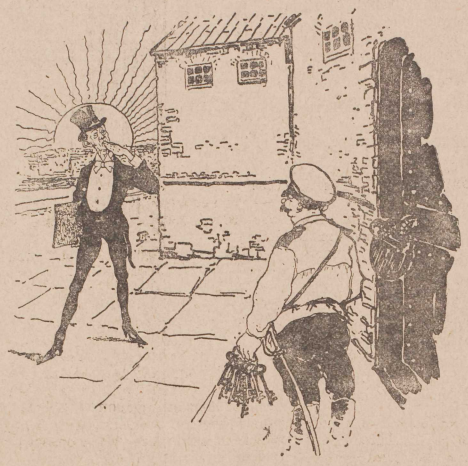
Сбирается кадетъ,—
Парламентски одѣтъ—
Ну кто поспорить можетъ съ нимъ:
Пушинка на штанахъ...
Послѣдній щетки взмахъ
И онъ совсѣмъ не отразимъ.

II

— «Что взять мнѣ зонтъ иль трость?»
Какъ вдругъ—нежданный гость.
— «Мужикъ! Я помню уговоръ...
Въ парламентъ я сейчасъ...
Земли достать для васъ...
Для насъ вопросъ аграрный вздоръ!»

III

Чуть сдѣлалъ два шага,—
Эльвира.—«Вашъ слуга
За автономіей иду!
Повѣрьте вы словамъ
Ее достану вамъ
Имѣю, панна, васъ въ виду...»



IV

Несется дальше вскачъ
Вдругъ—передъ нимъ палачъ,—
Крамольникъ вздернутъ въ небеса.
Кадетъ, презрѣвъ боязнь,
Кричитъ: «Отмѣнимъ казнь,
Лишь провисите съ полъ часа!»

V

Идетъ. Глядитъ—тюрьма.
Въ ней заключенныхъ—тьма.
Онъ крикнулъ имъ: «Тюрьма! Ликуй!
Амнистія! Ура!
Дождитесь до утра!»
И шлетъ воздушный поцѣлуй.

VI

Пошелъ скорѣе прочь
Вдругъ крикъ: Спасите дочь!
Не знай кто вы—Жоресъ иль Комбъ.
Спѣшитъ на крикъ и вой,
Глядитъ—городовой
У гимназистки ищетъ бомбъ.

VII

— «Ахъ, господинъ кадетъ,
Простите я раздѣтъ,—
Обысканъ съ головы до ногъ...
Теперь съ дочуркой онъ...»
— «Мы издадимъ законъ
Чтобъ чинъ безчинствовать не могъ!»

VIII

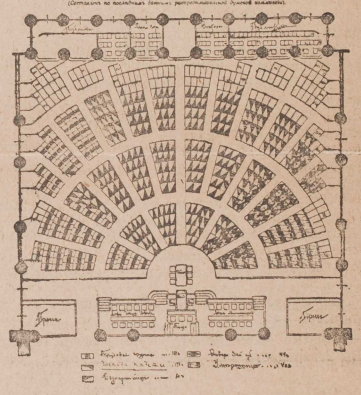
Вотъ входитъ наконецъ
Въ Таврическій дворецъ
— «Солдаты здѣсь на кой же чортъ?»
Кадета репортеръ
Спросилъ. Кадетъ хитеръ:
— «А то почетный нашъ эскортъ!»

IX

Кадета взоръ горячъ,
Кадета рѣчь какъ мячъ
Съ вопроса скачетъ на вопросъ.
Касается всѣхъ злобъ,
А чуть до дѣла—стопъ!—
Кадетъ какъ рюха, въ землю вросъ!

Планъ залы засѣданія Государственной Думы съ указаніемъ мѣстъ, занимаемыхъ различными партіями.

(Составлен по последнему (новому) распределению Думской мебели).



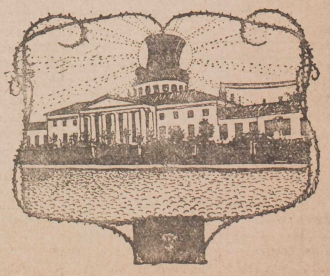
X

Кадетъ куда ни глянь!
Эльвиры дѣло—дрянь,
Еще плачевнѣй мужика:
У палачей апломбъ
Возросъ и шаритъ бомбъ
Чиновъ безчиннѣе рука...

XI

Mesdames, скажу я вамъ,
Не вѣрьте вы словамъ:
Кадетъ сулитъ вамъ такъ и сякъ
И выносливъ и твердъ,—
Мужчина первый сортъ...
А какъ до дѣла... смякъ!..

ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.



ОРГІАСТЫ.

НОВАЯ СИМФОНІЯ.

(ПЛАГІАТЪ ИЗЪ АНДРЕЯ БѢЛАГО И ДР.).

1.

Въ тѣ времена все было объято туманомъ сатанизма.

Появилась Недотыкомка.

Бѣгала за Ѳедоромъ Соллогубомъ.

Онъ взбѣгалъ по лѣстницамъ на верхніе этажи, запирался на чердакахъ, но она всюду его съ визгомъ настигала. Пробовалъ зачураться.

Въ полночь, мирнымъ жителямъ, выходившимъ изъ ресторана «Вѣны» на Морской, — являлись несомнѣнные признаки конца міра.

Голубоглазыя «кормчія звѣзды» въ дымно пепельномъ небѣ сплетались въ причудливые хороводы и, кувыркаясь, славили Діониса.

Въ «Вопросахъ жизни» Вячеславъ Ивановъ заводилъ съ легковѣрными читателями туманныя сношенія.

Разныя маски надѣвалъ онъ — даже маску «Прозрачности».

Надъ литературой повисъ грѣхъ шабаша и козла.

Въ ту пору еще странствовалъ Валерій Брюсовъ на куриныхъ лапахъ.

Вѣдные жители творили заклинанья и затворяли окна.

За нимъ бѣгала бирюзовая Вѣчность и хлопала его по плечу.

Многіе слышали его взывающій голосъ обращенный къ Вѣчности:

О, закрой свои блѣдные ноги!..

Но Вѣчность задирала ихъ выше.

Брала Брюсова за руки и неслась въ веселой пляскѣ по зеленымъ лугамъ.

Веселились, какъ маленькіе дѣти.

Иногда Вѣчности было грустно и она плакала.

Тогда приходилъ утѣшать ее Рукавишниковъ—читалъ ей свои стихи.

Вѣчность успокоенно хохотала.

Онъ испускалъ ревы и похлопывалъ себя по животу.

По улицамъ бѣгали козлоногіе сатиры и скакали кентавры.

Сатиры искусно прятали хвосты въ человѣческое платье.

Ихъ ловили.

Одного сатира обнаружили въ редакціи распространенной газеты, гдѣ онъ исполнялъ обязанности секретаря.

Пойманный ревѣлъ «истошнымъ» голосомъ и выдалъ многихъ своихъ родичей.

Въ разныхъ концахъ города производились обыски.

Въ принадлежности къ породѣ сатировъ также подозрѣвался А. Кондратьевъ, но медицинская экспертиза разсѣяла ложные слухи.

Кондратьевъ оказался только фавномъ, которымъ,—какъ извѣстно,—копытъ не полагается.

При обыскѣ обнаружилась обширная переписка съ мифологическимъ міромъ, преимущественно съ нимфами и наядами.

Онъ такъ-же былъ въ большой дружбѣ съ Олимпомъ, гдѣ одно время состоялъ придворнымъ пѣвцомъ при особѣ самого Зевеса.

Подземные боги относились къ нему дружелюбно и онъ часто выпроваживалъ въ тартаръ своихъ козлоногихъ соперниковъ.

Въ то время Волынскій выпустилъ «Книгу великаго гнѣва» и вызвалъ ея появленіемъ печальный смѣхъ.

Бальмонтъ пріударялъ за гермафродитами и воспѣвалъ половыя извращенности.

Алексѣй Ремизовъ оказался оборотнемъ.

По вечерамъ онъ взбирался на ворота своего дома и мирно бесѣдовалъ съ добродушнымъ, косматымъ домовымъ о своихъ исконныхъ пріятеляхъ—кикиморахъ.

Къ ихъ компаніи присоединялся Александръ Блокъ.

Играли въ прятки и пили на брудершафтъ.

Черезъ каждые тридадцать дней Гиппіусъ прилетала на помелѣ къ Соллогубу.

Колдовали и кружились въ пляскѣ.

И эта пляска была—козлованъ, а колдовство—козлованіе.

Наконецъ появился долгожданный Антихристъ.

Это былъ—Мейерхольдъ.

2.

Засвѣтились блѣдно-матовымъ свѣтомъ электрическія люстры и въ ковровомъ отдѣленіе ярко обозначился красный капотъ г-жи Аннибалъ.

За убраннымъ и уставленнымъ столомъ, на буфетѣ, также означилась большая бутыль краснаго вина.

И,—наконецъ, — за красной бутылью означился въ слегка согбенномъ положеніи виновато мигающій и поправляющій очки Вячеславъ Ивановъ.

Знаменитый оргіастъ и мистическій анархистъ.

Застигнутый за стаканомъ вина, онъ оправдывался передъ краснымъ капотомъ.

— Надѣюсь ты, мой другъ, не разсердишься на меня, если я осушу этотъ небольшой стаканчикъ въ честь Діониса и его присныхъ?

Онъ напоминалъ стариннаго кентавра.

Въ окна заглядывала подвыпившая Вѣчность и показывала имъ свой закатно-алый языкъ.

Знаменитый оргіастъ встрѣтилъ угрозный взглядъ женщины въ красномъ капотѣ.

— Душечка,—продолжалъ онъ робко,— но вѣдь я все таки,—извини за выраженіе... оргіастъ.

— Что?... грозно запѣлъ голосъ въ красномъ капотѣ.—Ты забываешься Вячеславъ?

— Но необходимо-же мнѣ быть тѣмъ что я есть... тьфу... то есть тѣмъ, чѣмъ я кажусь.

— Вѣдь необходимо же мнѣ поддерживать свое высокое достоинство жреца Діониса... Пожалуйста позволь мнѣ осушить эту махонькую рюмочку... гм... я такъ и быть обѣщаюсь написать къ твоей новой книгѣ такое же пространное... да... пространное предисловіе, какое я уже написалъ къ «Браслетамъ».

— Но Вячеславъ (мягко)! Развѣ я могу что либо запретить себѣ? Ты вѣдь (подумавъ) ты уже... взрослый и можешь поотупать какъ тебѣ заблагоразсудится, только...

— Не могу же я, другъ мой, не дѣлать воздіяній въ честь Діониса, когда, тамъ... гм... въ чуждомъ намъ лагерѣ... какъ его Куприпъ и даже девятнадцатилѣтній мальчишка Годинъ... предаются въ «Вѣнѣ» и другихъ, мѣстахъ Діонисіанскимъ оргіямъ. Пьяно-алая вѣчность, глядя въ окно заливалась безмірнымъ хохотомъ.

Задрожали заунывно отдаленные звоны.

Входили. Хлопали дверью.

Звонки не уволкали.

Въ промежуткахъ между приходящими мелькалъ красный капотъ и ныряла многодумная голова знаменитаго артиста.

Кланялись и встрѣчали любезностями.

— Эхъ! мы Вамъ такъ рады...

— Ваши ученые труды...

— Вы насъ осчастливили...

— Мы недостойные...

Иногда, отвѣсивъ поклонъ и отмѣтивъ ученые или литературные труды посѣтителя спрашивали шопотомъ другъ друга:

— Другъ мой, какъ звать этого толстяка, съ которымъ я только что говорила.

— Какъ звать эту несносную даму, къ которой я сейчасъ обращался?

Комнаты наполнялись оргіастами, мистическими анархистами, демонистами... чуть ли не садистами. Подходили къ столу.

Вошли въ гостинную два молодые поэта—литературные близнецы. Длинные какъ два столба съ окаменѣвшими лицами, въ студенческихъ сюртукахъ— они вѣжливо, въ тактъ шаркнули ногами и рѣзко повернулись въ двѣ противоположныя стороны. Вошелъ Мережковскій въ сопровожденіи Розанова.

ВАКХЪ.

КОНЦЕРТЫ.

Что городъ, то норовъ. Вездѣ свой обычай! За границей принято гордиться своими авторами и давать ходъ молодымъ творческимъ силамъ, а у насъ наоборотъ: имъ отводятъ задворки, или даже и ихъ не отводятъ.

Кромѣ Римскаго-Корсакова и Глазунова, на программѣ вы не встрѣтите ни одного симфоническаго произведенія нашихъ новыхъ композиторовъ. Нѣтъ ни Скрябина, ни Рахманинова, не считая менѣе популярныхъ Василенко, Золотарева, Черепнина и др.

Въ Берлинѣ и Парижѣ, пожалуй, болѣе услышишь русской музыки, чѣмъ у насъ. Вполнѣ понятно, что Рахманиновъ поселяется въ Дрезденѣ, Скрябинъ уѣзжаетъ въ Италію, а исполняетъ свои симфоніи въ Парижѣ; даже такія величины, какъ Калафати, появляются на праграммахъ симфоническихъ концертовъ въ Дрезденѣ. Заграничныя музыкальныя газеты и журналы всегда помѣщаютъ детальные отзывы о всѣхъ русскихъ новинкахъ, вышедшихъ изъ печати, и приходится сознаться, что часто первымъ получается отзывъ изъ-за границы, а затѣмъ уже нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ знакомятся съ этими произведеніями. Музыкальныя фирмы Юргенсона, Бѣляева, Циммермана предпочитаютъ помѣщать анонсы въ иностранныхъ журналахъ. Тамъ больше интересующихся, особенно камерной музыкой. Громадное количество русскихъ нотъ идетъ въ Англію и Америку, а у насъ эти страны считаются мало развитыми въ музыкальномъ отношеніи.

Русскіе симфоническіе концерты, основанные Бѣляевымъ, стараются восполнить этотъ пробѣлъ, но ограниченность средствъ, дающихъ возможность устраивать не болѣе 3-хъ концертовъ, при всемъ желаніи устроителей, ставятъ невозможнымъ широкую пропаганду все увеличивающагося творчества родныхъ композиторовъ. При этомъ еще необходимы повторенія произведеній, послужившихъ краеугольнымъ камнемъ для творчества новой русской школы и мало исполняемыхъ (напр. Бородинъ).

Печальной памяти прекратившіеся концерты И. Рус. Муз. Общества замѣнили 6 концертовъ Шредера при участіи усиленнаго оркестра графа Шереметьева, въ зданіи консерваторіи. Программа составлена изъ заграничныхъ композиторовъ, за исключеніемъ 3-й сюиты Чайковскаго. Не было принято во вниманіе, ставшее почти обычаемъ правило, вставлять по одному номеру русской музыки. Конечно это правило было обязательно только для И Русскаго Музыкальнаго Общества, но оно настолько вошло въ нравы, что иногда даже безсознательно по традиціи примѣняется и при устройствѣ другихъ концертовъ. Дирижировать приглашены малоизвѣстные иностранцы. Первый изъ нихъ Фридъ оказался дирижеромъ выше средняго уровня. Онъ детально и очень тщательно провелъ симфонію Малера и «Смерть и просвѣщеніе» Р. Штрауса. Интерпретація имъ классиковъ была менѣе удовлетворительна.

Какъ композиторъ, авторъ «Verlärte Nacht» для соло съ оркестромъ онъ принадлежитъ къ уровню современной капельмейстерской музыки. Безусловно интересной новинкой явилась C-moll'ная грандіозная симфонія Малера, поражающая своей экзотической виртуозной оркестровкой, съ далеко не соотвѣтствующей ей мало оригинальной и самостоятельной музыкой. 2-й концертъ Шредера былъ переполненъ публикой вслѣдствіе пріѣзда общаго любимца Іосифа Гофмана, пользующагося громаднымъ успѣхомъ. Геніальный піанистъ дивно игралъ свои блестящій въ техническомъ отношеній концертъ и очень задушевно интерпретировалъ симфоническія варіаціи Шумана.

Какъ всегда пользуются громаднымъ успѣхомъ концерты Зилоти съ ихъ умѣло составленной и интересной программой для широкихъ слоевъ музыкальной публики. Изъ новинокъ представляла интересъ симфоническая поэма Г. Ропарца «La Cloche des Morts», директора общества симфоническихъ концертовъ въ Нанси, пропагандирующаго между прочимъ русскую музыку. Съ подобающимъ настроеніемъ, но не ярко выражаетъ она похороны рыбака на фонѣ тусклаго бретонскаго пейзажа подъ заунывный перезвонъ колоколовъ. Вторая новинка— фортепіанный концертъ Гуго Кауна, за исключеніемъ финала является общимъ мѣстомъ, порой блестяще написаннымъ, но мало затрагивающимъ воображеніе слушателя. Г-жа Маурина играла его изящно и музыкально, съ хорошей техникой.

Глубокій интересъ представлялъ третій концертъ при участіи парижскаго «Концертнаго общества игры на старинныхъ инструментахъ», тепло принятаго нашей публикой. Вы переноситесь въ атмосферу XVII и XVIII вѣковъ. Струнный квартетъ на гамбахъ и клавесинѣ несравненно лучше передаетъ произведенія этихъ эпохъ, спеціально написанныя для инструментовъ того времени. Послѣдніе звучатъ полно, но звукъ ихъ болѣе тусклый противъ современнаго квартета и менѣе характерности въ тембрѣ между гамбами различной величины. Пріятно послушать ихъ разъ другой, но переходъ въ старыя вѣка немыслимъ и практическаго значенія, съ увѣренностью можно сказать, для новой музыкальной культуры старые инструменты имѣть не будутъ. При томъ же требуется большое умѣнье владѣть этими многострунными гамбами. Изъ исполненнаго репе-

туара понравилась сюита Монтеклэра, (1666-1737), не увядшая до сихъ поръ и дышащая весельемъ и жизнерадостью, превосходно adagio въ концертѣ Эм. Баха и любопытна по оборотамъ музыкальной рѣчи симфонія Бруни. Въ началѣ сезона выдѣлился концертъ превосходнаго пѣвца нѣмецкихъ романтиковъ Сеніуса, совершенствующагося съ каждымъ годомъ. Его классическій репертуаръ прекрасно подобранъ, но новые нѣмецкіе композиторы были представлены слабо.

Струнный квартетъ Вальтера помянулъ память Шаумана A-dur-нымъ и A-moll-нымъ квартетомъ. Другой — Мекленбургскій успѣшно открылъ серію своихъ концертовъ.

Хоръ Архангельскаго, устраивающій ежегодные концерты, далъ въ этомъ году духовную программу, собравъ преимущественно публику увлекающуюся этимъ жанромъ.

«Вечера современной музыки» поставили струнный квинтентъ Золотарева, разрабатывающій на разные лады русскую тему »Слава» рядъ, романсовъ Регера (исп. Жеребцова-Евреинова) и двѣ поэтическихъ и оригинальныхъ сказки Метнера, съ увлеченіемъ исполненныя Медемомъ. Авторъ сказокъ — москвичъ. Вообще Москва въ послѣднее время начинаетъ итти впереди Петербурга. Она дала намъ Скрябина, Рахманинова, Василенко и др.

Не явится ли она колыбелью новаго искусства, судя по новымъ теченіямъ и вѣяніямъ?. В. СЕНИЛОВЪ.

О ЦАРЯХЪ И ЦАРИЦАХЪ ВОЗДУХА.

Вы только что прочли въ хроникѣ объ ея самоубійствѣ.

А можетъ быть и не прочли.

Кто же теперь читаетъ петитную хронику, когда и корпусная надоѣла.

По одному паспорту она значилась крестьянкой Тверской губерніи 19 лѣтъ Маріей Миткалевой.

По другому паспорту—проституткой.

Онъ былъ желтаго цвѣта этотъ второй паспортъ.

По словамъ петитной хроники въ ея карманѣ была найдена записка:

«Въ смерти моей никого не винить. Я раздумалась надъ своей жизнью, подняла голову и увидѣла, что не стоитъ жить».

«Подняла голову»...—Какое великолѣпное выраженіе.

Какая чуткая, аристократическая душа сказывается въ этой фразѣ жрицы демократичнѣйшей изъ профессій,—рабыни рабовъ...

Цѣлое стихотвореніе въ этой набранной петитомъ фразѣ.

Вся роскошь все упоеніе протеста.

Она подняла голову...

Она, профессія которой была всегда держать высоко поднятой эту хорошенькую беззастѣнчивую головку. Она, профессія которой была нахально лѣзть въ въ глаза проходящихъ по улицѣ.

Дразнить обоняніе запахомъ дешевыхъ духовъ.

Слухъ—шелестомъ шелковой юпки.

Зрѣніе—пряною, щекочущею улыбкою.

Чувственность — сатанинскою прелестью взгляда.

И всѣ, кто встрѣчался съ нею любовался, глядя на ея великолѣпную головку.

И всѣ, кто цѣловался, чокался, расплачивался съ нею,—всѣ заражались ея приподнятымъ весельемъ.

И лишь она одна въ цѣломъ мірѣ знала, что она идетъ съ опущенной головой...

Она чувствовала, что не можетъ поднять головы...

И когда подняла голову—смерть дохнула ей въ лицо.

Эта смерть напомнила мнѣ смерть г-жи Дьяволо.

Той самой піонерки, которая пошла по новому головокружительному пути въ цирковой программѣ.

Той самой дамѣ въ колесѣ, у которой теперь такая масса подражателей.

Она только неосторожно подняла голову совершая свой кругъ.

И это стоило ей жизни.

Я помню, тогдаэ та смерть, совершившаяся почти на моихъ глазахъ, произвела на меня сильное впечатлѣніе.

Въ мистическомъ ужасѣ я писалъ:

Не поднимайте головы вы, артисты цирка и артисты кафешантана.

Вы, кого судьба и борьба за существованіе заставили ходить съ опущенной головой.

Не поднимайте головы вы — «цари воздуха», совершающіе головокружительныя полеты съ одного конца цирка до другого.

Не поднимайте головы вы, граціозныя «царицы воздуха», — акробатки.

Обтянутыя въ трико тѣлеснаго цвѣта, обсыпанныя блестками и обшитыя позументами, трепещите, блестите, сіяйте подъ ослѣпительнымъ элекрическимъ свѣтомъ.

Но не поднимайте вашей хорошенькой головы.

И вы, сальторталисты, дерзко, смѣло, нагло смотрящіе въ глаза смерти.

Вы, кокетничающіе со смертью такъ, какъ другіе кокетничаютъ съ жизнью,—не смѣйте поднимать головы.

И вы, эквилибристы, которые лежа на спинѣ, ногами подбрасываютъ ребенка.

Несчастнаго ребенка, жизнь котораго находится у васъ въ рукахъ.

И даже не въ рукахъ, а—что еще унизительнѣе для человѣческаго достоинства,—въ ногахъ.

И вы атлеты, умъ, сила, гордость, слава, счастье, жизнь которыхъ цѣликомъ ушла въ мускулы.

И вы танцоры на слабо и тугонатянутомъ канатѣ.

Всѣ вы, совершая свой кругъ, не поднимайте головы.

Потому что если поднимете голову—неизбѣжно паденіе.

Широко раскрытыми глазами вы увидите, что вы не цари воздуха, не властители толпы, не блестящіе миракли, а а рабы голода, игрушки ротозѣевъ, несчастные люди, призванные щекотать слабо и туго натянутые нервы почтеннѣйшей публики.

И мишура перестанетъ блестѣть.

И электрическое солнце погаснетъ.

И ужасъ, сатанинскій ужасъ охватитъ васъ, и сердце обольется смертельнымъ холодомъ.

И все это отъ того, что вы подняли голову.

Не поднимайте головы и вы дѣти кафешантанной рампы.

И вы безголовыя хористки открытыхъ сценъ.

И вы безкрылые мотыльки лишенныхъ растительности лѣтнихъ садовъ.

И вы—«царицы воздуха»—продажныя пленеристки Невскаго проспекта.

Не поднимайте головы. Иначе вы увидите, какому чудовищу приносли вы въ жертву свои силы, свое вдохновеніе, свою молодость, здоровье, иногда красоту, почти всегда—невинность.

Имя этого чудовища—Пошлость.

Сознать себя рабой Пошлости,—все равно что упасть съ раскроеннымъ черепомъ, какъ Дьяволо.

Не поднимайте головы!..

* * *

Такъ я писалъ надъ свѣжимъ трупомъ царицы воздуха—г-жи Дьяволо.

А сегодня надъ свѣжимъ трупомъ царицы воздуха Маріи Миткалевой мнѣ хочется крикнуть:

— Она подняла голову! И умерла! О сколько смысла и красоты въ этом образѣ!

Пусть ея примѣръ заразитъ васъ артисты цирка, который зовется жизнью.

О, поднимите голову вы, кого судьба и борьба за существованіе заставила ходить съ опущенной головой.

Поднимите голову, хотябы это стоило жизни.

Поднимите голову и за себя, и за дѣтей и за дѣтей дѣтей вашихъ.

Поднимите голову оскорбленные, униженные, опозоренные, купленные, порабощенные, — слышите свистъ бичей цирковаго антрепренера, которому имя Голодъ.

Слышите свистъ бича,—но не бойтесь его,—рано или поздно онъ все равно опустится на вашу спину.

Такъ не лучше ли встрѣтить его съ высоко поднятой головой.

Поднимите голову! — пусть Смерть дохнетъ вамъ въ лицо...

Научитесь встрѣчать смерть съ высоко поднятой головой.

И тогда вы встрѣтите жизнь.

Поднимите голову, чтобы жить.

Потому что тотъ, кто идетъ съ опущенной головой, уже мертвъ.

Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ.

ТОЛПА.

БУДЬ ЦЕЗАРЬ, ИЛИ СЫНЪ НАРОДА—
ПАЛАНЪ, ИЛЬ ВОЖДЬ... ТОЛПА—ВСЕГДА ТОЛПА.
ЕЯ СВОБОДА—РАБСКАЯ СВОБОДА.

ТОЛПА ВЪ СВОЕМЪ СТРЕМЛЕНІИ СЛѢПА.
ВЕЛИКОЕ ТЕРЯЕТСЯ ВЪ НЕЙ СКОРО,
КАКЪ ВЪ МОРѢ ШУМНОМЪ ЛЕГКАЯ ЩЕПА.

ПОЖАРЪ ТОЛПЫ СЛѢПИТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ ВЗОРА,
КОЛЬ СМѢШЬ, МОЖЕШЬ КАПЛЕЙ ПОТУШИТЬ:
ДАЙ БАСНЮ ЕЙ ЗАНЯТНУЮ ДЛЯ СПОРА.

ЧТОБЪ ВНОЗЬ ЗАЖЕЧЬ, СУМѢЙ ТОЛПѢ ПОЛЬСТИТЬ.
ПОТОМЪ, УДАРИВЪ, КАКЪ ВОЛА ВЪ РАБОТѢ,
ДОВѢРЬ ЕЙ, УМЕРЕТЬ ИЛЬ ПОБѢДИТЬ.

ТОЛПА-РАБА И ВЫ ВЪ СВОЕМЪ ПОЛЕТѢ,
ВЕЛИКІЕ БЕЗУМЦЫ НАШИХЪ ДНЕЙ,
ЗАЧѢМЪ ЕЕ, КЪ КАКОЙ ЧЕРТѢ ВЕДЕТЕ?

ТОЛПА, ЕСТЬ ПУТЬ ВѢРНѢЙШІЙ ИЗЪ ПУТЕЙ:
ВОЗЬМИ КАМНЕЙ, КЛЯНЯ И ПРОСЛАВЛЯЯ,
ПОБЕЙ ПѢВЦОВЪ, ПРОРОКОВЪ И ВОЖДЕЙ.

И КАКЪ НА ВОЛНАХЪ, НА СЕБѢ КАЧАЯ,
ИХЪ ТРУПЫ ВОЗНЕСИ ТЫ НА КОСТРЪ,
ПОГИБНИ СЪ НИМИ, ГОРДАЯ, СВЯТАЯ!

ТАКЪ ТЫ ИСКУПИШЬ ДАВНІЙ ТВОЙ ПОЗОРЪ.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

МАСКАРАДЪ.

Еще никогда не было такъ чертовски весело, какъ въ этотъ вечеръ.

Еще бы. Ихъ собралась такая удачная труппа: всѣ четверо одинаковаго роста и всѣ четверо въ совершенно одинаковыхъ костюмахъ-паяцевъ. Лица скрыты подъ глухими масками и такъ основательно заштукатурены на одинъ образецъ, что скоро сами партнеры перестали узнавать другъ друга.

— Это вы Петровъ?—началъ одинъ паяцъ.

— Ха-ха-ха!... Нѣтъ это я—Шварцъ!—началъ тотъ въ отвѣтъ.

— Хо-хо-хо!... Вретъ онъ... Это я—Шварцъ!... А онъ—Милославскій...—началъ третій.

— Ни-ни-ничего вы не по-по-понимаете... Это во-во-вовсе Иванъ Иванычъ! А Милославскій-я!...—началъ четвертый.

— Подите вы къ черту! Что вы меня морочите!...—своимъ голосомъ всклинкнулъ первый, и всѣ поняли, что это и есть Миноcлавскій.

И всѣ захохотали. И всѣ схватились за руки,—стали пѣть и подтанцовывать:

Въ законъ... въ законъ... въ законъ себѣ поставимъ
Со пля... со пля... со плясками прожить!..

Всего курьезнѣе было то, что въ общежитіи, т. е. подъ этими маскарадными костюмами всѣ четверо были совершенно не похожи другъ на друга.

Шварцъ—представлялъ изъ себя жизнерадостнаго студента юриста. Былъ блондиномъ. Не носилъ ни усовъ, ни бороды, ни угрей.

Напротивъ, Милославскій былъ угрюмаго вида медикъ. Былъ брюнетомъ. Носилъ усы, бороду и угри.

Петровъ былъ гимназистомъ седьмого класса. Носилъ только усы и угри, при чемъ первые считалъ лучшимъ украшеніемъ подлунной, а вторые—наказаніемъ, посланнымъ ему небесами для того, чтобы онъ ужъ не черезчуръ загордился.

Иванъ Иванычъ былъ просто Иванъ Иванычъ. Онъ гдѣ то служилъ, получалъ 100 рублей жалованія. Никакой личности не имѣлъ, такъ что вопросъ объ усахъ и прочей растительности отпадалъ самъ собой. Въ противуположность Петрову онъ былъ застѣнчивъ и заикался.

Голоса у всѣхъ тоже были въ общежитіи совсѣмъ разные: Милославскій басилъ, Петровъ старался басить, но срывался, пуская пѣтухи, Шварцъ заливался теноромъ, Иванъ Иванычъ, какъ извѣстно, былъ заика, а у заики какой же голосъ. Подъ масками они всѣ старались одинаково пищать:

— По-по-положительно ни-ни-ни зачто не-не-узнаешь!..

— Ну васъ, то Иванъ Иванычъ сразу узнаешь!.. Бросьте вы хоть на сегодня эту тавталогію...—прибавилъ Милославскій.

— Та-та-тавта-та-та... втало-ло-гію?..—изумился Иванъ Иванычъ.—Ка-ка-кую та-та-вталогію...

— Да вотъ эту самую... Заиканье-то ваше... Васъ по заиканью всякій узнаетъ...

Иванъ Иваничъ обидѣлся:

— Не-не-не могугугу... Ессcли татакъ... я си-си-во-дни со-со-совсѣмъ не-не-непоѣду...

— Что вы... Иванъ Иванычъ... голубчикъ... Да развѣ мы хотѣли васъ обидѣть... Да развѣ это мыслимо... Вы весь нашъ вечеръ испортите, если не поѣдете... Мы васъ такъ любимъ... Да и вы вспомнили, что вѣдь у Скворцовыхъ будетъ Марья Ивановна...

— Вотъ что я придумалъ!—всклинкнулъ Шварцъ!—Вы не обидитесь Иванъ Иванычъ, если бы мы всѣ начали заикаться...

— Ка-ка-какъ та-та-такъ?..

— Да-да-во-во-вотъ та-та-такъ!—пропищалъ Шварцъ!—Теперь-то ужъ никто не догадается, который изъ нихъ вы...

— Ура! Браво!..

И всѣ опять схватились за руки и, подплясивая пищали:

Въ за-за-законъ... въ за-за-законъ...
Въ за-за-законъ о себѣ по-по-поставимъ
Со-со-сопля... Со-со-со-пля...
Со-со-сопляскамипппрожить!..

— Господа! Еще прекрасная идея!—крикнулъ тотъ же Шварцъ. — Я придумалъ какимъ образомъ еще усилить нашу неузнаваемость. Давайте сюда ваши колпаки. Вотъ на этомъ мѣстѣ каждый изъ насъ пусть чернилами выведетъ буквы. Одинъ С. Д., другой С. Р.. третій К. Д., четвертый П. П...

— Это придастъ нашимъ костюмамъ политическую окраску!—постарался пробасить гимназистъ. —Намъ чего добраго дадутъ призъ за лучшій костюмъ!...

— Не согласенъ... Какая же въ этомъ идея..—промычалъ Милославскій.

— Идея явится.. Ее другіе пристегнутъ... Нужно, чтобы только какая нибудь зацѣлочка была, а тутъ идею пристегнутъ... Теперь у всѣхъ умъ на политическій ладъ настроенъ! — горячился Шварцъ.

— Пе-позвольте... но вѣ-вѣдь то-тогда насъ ле-легче бу-бу-детъ...

— Вы хотите сказать, легче будетъ разузнавать, потому что костюмы будутъ буквами отличаться другъ отъ друга... Но это-то и интересно! Во время вечера мы незамѣтно нѣсколько разъ будемъ мѣняться другъ съ другомъ костюмами... Какой просторъ для интригованія дамъ!.. Дама только что разболтается съ однимъ колпакомъ, а черезъ пять минутъ подъ этимъ колпакомъ другой... а потомъ третій... Такая каша выйдетъ...

— Политическая каша!—восторженно крикнулъ гимназистъ. — Да вотъ вамъ идея!

— Идея положимъ гнусная и недостойная насъ! — промычалъ Милославскій.— Что же выйдетъ по нашему, что всѣ партіи въ сущности говоря одинаково, только буквами и разнятся...

— Этого не выйдетъ. А выйдетъ только веселье! Вотъ вы увидите!

И всѣ слегка кэквокируя побѣжали писать буквы. А когда колпаки были готовы, опять схватились за руки и запищали:

Мнѣ мамаша запретила
Танцовать кэквокъ..
Танцовать кэквокъ!
Потому что находила
Въ томъ большой порокъ...

И всѣмъ было радостно. Всѣ предвкушали великолѣпный, веселый и содержательный вечеръ у Скворцовыхъ.

Шварцъ,—такъ какъ вообще любилъ подурачиться; Миловзоровъ,—такъ какъ зналъ, что у Скворцовыхъ выпивка будетъ упоительная; гимназистъ Петровъ,—такъ какъ попалъ въ студенческую компанію. Даже Иванъ Ивановичъ возлагалъ на вечеръ громадныя надежды, потому что на вечерѣ будетъ та, которую

ДРАМА.

ВЪ ГОРОДѢ

Собственно это было не въ городѣ, а въ театрѣ. Но таково названіе драмы С. Юшкевича.

И вотъ я хочу разсказать вамъ, что это за драма.

Мы т. е. я съ женой, выѣхали изъ дому въ четверть четвертаго. Поѣхали въ театръ Коммисаржевской. По дорогѣ дважды останавливались и перемѣняли лошадей. А у одной остановки извозчикъ сказалъ:

— Дозвольте покормить лошадку!

— И подошелъ съ полнымъ ведромъ къ моей женѣ. Натурально, я его прогналъ.

Въ половинѣ восьмого пріѣхали. Потому въ программахъ сказано:

— Просятъ занимать мѣста до поднятія занавѣса.

Мы подошли къ капельдинеру, онъ потребовалъ билетъ и сказалъ:

— Это не здѣсь. Поищите гдѣ.

Стали искать гдѣ. Но отъ, волненія плохо оріентировывались. Всѣ капельдинеры сурово смотрѣли на насъ и говорили:

— Нѣтъ.

Между тѣмъ подходило время спектакля. Жена нечинала нервничать.

— Дай ему взятку, совѣтовала она.

Я выдралъ капельдинера помягче и сунулъ ему три рубля. Онъ взялъ, но на бѣду подскочилъ Красовъ.

— Я васъ оштрафую сказалъ онъ мнѣ. Я составлю протоколъ за подкупъ должностного лица во время исполненія служебныхъ обятанностей.

Я пошелъ съ нимъ объясняться, а жена, слага Богу, нашла свой галошный номеръ. Галоши у нея приняли, а ротонду нѣтъ. Начался первый актъ.

Съ Красовымъ я говорилъ меньше часу. Онъ взялъ съ меня честное слово, что въ любое время дня и ночи я по первому требованію приду получать контрамарку и высижу весь спектакль.

Выбора у меня не было. Я согласился. Съ тѣхъ поръ я закабаленъ.

Кончился первый актъ. Я въ шубѣ и калошахъ сталъ отыскивать жену.

— Снимите шубу, кричали капельдинеры, но не брали ея.

Наконецъ я изловчился и скинулъ шубу въ телефонной будкѣ.

Въ толпѣ мелькнула жена. Я бросился къ ней. Но въ это время началось второе дѣйствіе.

Во время второго дѣйствія я ходилъ среди груды платья и галошъ и отыскивалъ, гдѣ женины. Галоши кажется узналъ.

Антрактъ. Я иду въ буфетъ, скидываю галоши и прячу ихъ въ карманъ.

Жены нѣтъ. Я чувствую, что два какихъ-то человѣка начинаютъ за мной слѣдить. Они думаютъ, что у меня въ карманахъ бомбы.

Весь третій актъ ушелъ на розыски мѣста. Разобраться невозможно: 160, 161, 5, 6, 12 и 204. Все это рядомъ. Я отдавилъ восемнадцать мозолей и выслушалъ въ дважды болѣе ругательствъ. И вовсе не символическихъ. Гдѣ же выдержанность стиля?

Наконецъ я нахожу свое мѣсто. Но рядомъ должна быть жена. Вовсе нѣтъ. Сидитъ дѣвушка со знакомымъ лицомъ. Гдѣ я видѣлъ ее? Ба! Это кассирша. Только приготовился слушать,—бацъ: занавѣсъ.

Въ антрактѣ жены не нахожу. Въ залу не вхожу, а начинаю разыскивать свою шубу. Она исчезла изъ телефонной будки. Бѣгаю, разспрашиваю. За мной слѣдятъ. Демонстративно вынимаю изъ кармановъ галоши, и тотчасъ же двое неизвѣстныхъ подкидываютъ мнѣ шубу. Оказывается, она была арестована и чуть не сослана въ Нарымскій край. А жена? Жены нѣтъ.

Стою, обливаюсь потомъ, и думаю: Господи—за что ты послалъ людямъ символизмъ? Ужъ лучше конституція. Конституція, конечно, имѣетъ свои отрицательныя стороны, но все же...

Конецъ. И во время. Ибо если этакъ начнешь философствовать о конституціи, то уже хорошаго выйдетъ мало.

Публика расходится, умоляетъ капельдинеровъ отдать платье. Кто слушается, кто нѣтъ. Гдѣ же она, моя дорогая, моя незабвенная жена?

Она? Нѣтъ... Да... Осунулась, Кричитъ. Вотъ получила голоши и несется въ другой конецъ помѣщенія. Нѣтъ, это совсѣмъ чужая женщина. Дама оглядывается и мы... падаемъ другъ другу въ объятія.

— Ты похудѣла, дорогая, говорю я.

— А ты осунулся, милый, говоритъ она.

Мы ѣдемъ домой, по дорогѣ крестимся на всѣ церкви и нечаянно на синагогу, что на Мастерской улицѣ.

Сильная пьеса «Въ городѣ» Семена Юшкевича.

НЕ-ТЕАТРАЛЪ.

ГУГО НАМЕДНИ.

ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Посмотрѣвъ «Гедду Габлеръ» въ исполненіи труппы г-жи Коммисаржевской, мы съ барономъ рѣшили, что Ибсенъ недостаточно декадентиченъ для Вѣры Ѳедоровны и написали собственную драму, приноровленную ко вкусамъ и силамъ этого театра.

Дѣйствующія лица:

Эстелла—27 лѣтъ, неуравновѣшанная натура, ищущая идеаловъ *г-жа Коммиссаржевская.*

Поль Отригань — поэтъ-декадентъ. . . . . *г. Бравичъ.*

Гуго Намедни — приватъ-доцентъ. . . . . *г. Ѳеона.*

Докторъ Смердисъ — философъ. . . . . *г. Ураловъ.*

Докторъ Хипсъ—немного помѣшанъ, послѣ каждыхъ двухъ-трехъ словъ прибавляетъ слова *спереди* и *сзади*, чередуя ихъ, но въ общемъ глубокомысленъ. . . *г. Михайловъ.*

Драматургъ Подерни. . . . . *г. Красовъ.*

Завѣдующій больницею душевно-больныхъ. . . *г. Мейерхольдъ.*

Первый меланхоликъ. *г. Грузинскій,*

Второй меланхоликъ. . *г. Любовъ.*

Гости, поэты, натурщики, умалишенные, слуги и проч.

ДѢЙСТВІЕ I.

Комната Эстеллы. Экзотическія растенія. На стѣнахъ висятъ палитры и кинжалы. Каминъ озаряетъ все таинственнымъ и зловѣщимъ пламенемъ.

Эстелла (*помадитъ себѣ волосы*)... блю!...

Гуго Намедни (*страстно и странно*). Но развѣ это любовь! Любовь должна быть сочувствіе... *Со-чувствіе,*— мы должны одно чувствовать: ты сладко, — я сладко... ты кисло, — я кисло... А это, что угодно: яшма, бекаръ, синклитъ, но только не любовь... Я даже не знаю твоего имени!..

Эстелла (*задумчиво, мечтательно*). А зачѣмъ? (*кладетъ на ладонь большой кусокъ помады и втираетъ ее въ волосы*).

Гуго Намедни (*указывая на помаду*). Вотъ это — любовь.

Эстелла (*утомленно*). Поясни!..

Гуго. Подумай.

Эстелла. Я устала. Я уже думала.

Гуго. Молчу, чтобы не мѣшать тебѣ... Ты же напряги свой умъ. (*Молчитъ*).

Эстелла. Напрягла. (*Молчитъ, гастывъ съ помадой*).

Гуго (*нетерпѣливо*)...?...

Эстела (*напряженно*)...!...

Гуго. ...??...

Эстелла. Нѣтъ, это по ту...

Гуго. Ты хочешь сказать: по ту сторону твоего пониманія?

Эстелла. Зачѣмъ досказывать недосказанное: досказываніе убиваетъ недосказанное.

Гуго. А недосказанное родитъ досказанное.

Эстелла. Твоя недосказанность родила мое пониманіе.

Гуго. Восприняла?

Эстелла. Да, ты мнѣ хотѣлъ сказать, чтобы я была твоею помадою, чтобы ты могъ положить меня на свою ладонь и втереть въ себя такъ, какъ я втираю въ себя эту помаду... безъ остатка...

Докторъ Смердисъ (*входитъ нервными шагами*). Безконечность не знаетъ остатка!.. Лишь конечное имѣетъ остатки... Если у безконечности были бы остатки (*бумаетъ*), они были бы безконечными.. Слѣдовательно...

Эстелла (*сдерживая волненіе*). Докторъ, могу я съ медицинской точки зрѣнія выйти замужъ за Гуго Намедни?..

Гуго (*перебивая доктора*). О, конечно, конечно!..

онъ мысленно заикаясь называлъ: «Мама-маненчкой».

— Ну, господа, уже половина двѣнадцатаго.

— У Скворцовыхъ съѣздъ объявленъ къ двѣнадцати.

До двѣнадцати у нихъ дѣтскій балъ...

— Широко, чортъ возьми, живутъ люди!...

— Инженеры-безсребренники!...

— Да-съ... потому что дѣло имѣютъ съ золотой валютой, а не съ серебряной...

— И не съ мѣдной,—подумалъ гимназистъ, истратившійся въ лоскъ для нынѣшняго костюма.

— Господа! Только помните уговоръ. Передъ Скворцовыми на четверть часа заѣдемъ къ Еленѣ Михайловнѣ.. Это совсѣмъ рядомъ... Я далъ ей слово... Она послѣ театра насъ будетъ ждать... Я держу съ ней пари à discretion, что она не узнаетъ, который, изъ четырехъ я...—воскликнулъ Шварцъ.

— A discretion! Счастливецъ!

— Это ма-ма-мадему-муазель С-ссмирнова?...

— Да. Вы ее видѣли у Поярковыхъ..

— Ѣхать, такъ ѣхать, сказалъ попугай, когда его кошка вытягивала за хвостъ изъ клѣтки...

И онъ весело побѣжалъ одѣваться.

Поѣхали на двухъ извозчикахъ. Смирновы живутъ въ пятой линіи, а Скворцовы въ седьмой,—рядомъ почти. Отъ Смирновыхъ къ Скворцовымъ рѣшено перебѣжать пѣшкомъ.

— Вотъ въ этомъ!—крикнулъ Шварцъ.

— Я еще ее изъ гимназіи провожалъ сюда во времена оно.

— А такъ-то развѣ не бываешь у нихъ?

— Нѣтъ. Да изъ насъ никто у нихъ не бываетъ. У нея говорятъ братъ непріятный какой-то. Не то судейскій, не то путейскій...

— За то сама пріятная! — отвѣтилъ Милославскій.

— Какъ же это... Первый визитъ и въ полночь... и не въ своемъ видѣ...

— Нельзя,—пари!.. Вотъ здѣсь... шестая квартира... Швейцаръ! барышня Смирнова дома?..

— Сейчасъ пріѣдутъ изъ театра... Просили подождать!.. Пожалуйте къ нимъ... Тамъ ихъ братецъ...—швейцаръ осклабился, видя передъ собой четыре одинаковыхъ рожи въ разныхъ шубахъ.

Паяцы поднялись по лѣстницѣ, позвонили въ № 6.

— Вамъ Николая Михайловича?—спросила горничная.

— Барина!—пропищали они и вошли въ переднюю.

— У нихъ уже сидятъ гости... Пожалуйте... безъ доклада...

Пріятели раздѣлись и вошли въ указанную дверь.

Въ большой, накуренной комнатѣ сидѣло человѣкъ восемь студентовъ, университетскихъ и другихъ учебныхъ заведеній. Все незнакомые нашимъ пріятелямъ.

Они отчаянно спорили и курили. Но появленіе четырехъ паяцевъ прервало ихъ митингъ:

— Это еще что за шуты гороховые!.. Навѣрное Михалевъ, Пестрецовъ и Компанія!..

— Михалевъ, Петрецовъ и компанія!—пропищали паяцы, словно сговорившись.

— Намъ мамаша запретила
Танцовать кекевокъ!..—

И они задрыгали ногами.

— Мы сядемъ... Подождемъ!.. Можно?..—пропищали паяцы.

— Садитесь,—съ недоумѣніемъ пожалъ плечами студентъ института гражданскихъ инженеровъ, очевидно, хозяинъ.

— Гостями будете. Не хотите ли пива?

А затѣмъ, обратившись къ своимъ собесѣдникамъ, горячо продолжалъ прерванную рѣчь.

— Что это, какъ не провокація!.. Нѣтъ, вы мнѣ скажите, даже оставаясь на ихъ платформѣ... Я уже не говорю о томъ, что это не научно, но и съ практической точки зрѣнія..!

— Товарищи, вы увлекаетесь... Никто съ вами не споритъ въ принципѣ, но въ частностяхъ...

— Позвольте...Вы что говорили?..Нѣтъ, вы повторите ваши тезисы...

Паяцы сидѣли рядышкомъ на четырехъ вѣнскихъ стульяхъ и имъ сдѣлалось скучно и неловко. Споръ разгорался все шире и шире. На нихъ даже и вниманія не обращали.

Только одинъ студентъ, пившій пиво на краю стола, съ угрюмою подозрительностью вглядывался въ ихъ колпаки. Потомъ онъ тяжело, какъ-то нехотя поднялся:

— Товарищи!.. А вѣдь они тово... Политическую демонстрацію устроили... Смотрите-ка на литеры... Всѣ, молъ, вы, и «эсъ-эры» и «эс-деки» одинаковые дураки...

Другой студентъ махнулъ рукой:

— А ты хотѣлъ чтобы Михалевъ и Пестрецовъ додумались до чего-нибуль умнаго или остроумнаго...

— Я не знаю, умно ли это или глупо... но по моему это не порядочно!—процѣдилъ сквозь зубы техникъ.

— А я не знаю почему эти господа выбрали для своей политической демонстраціи именно мою квартиру... Благодарю за честь, конечно... Но господину Пестрецову должно быть хорошо извѣстно, что съ прошлогоднящней исторіи съ Борисовымъ я ему руки не подаю...

— Тутъ нѣтъ Пестрецова!..—запищали паяцы.—Ей Богу нѣтъ...

— Да я вообще не понимаю, чего вамъ отъ меня нужно...

— Мы ждемъ...

— Кого?—пожалъ плечами студентъ.

Въ это время раздался рѣзкій звонокъ. У паяцевъ сразу отлегло отъ сердца. А не то становилось ужъ не втерпежъ и неловко, и стыдно, и глупо.

— Вотъ кого! Вотъ кого мы ждемъ!—запищали хоромъ они. А двое даже запрыгали какъ дѣти.

. . . . . .

— Простите господа, что я долженъ нарушить вашу пріятную бесѣду,—проговорилъ, входя въ комнату, приставъ,—но я имѣю предписаніе произвести въ этой квартирѣ обыскъ. Пожалуйста, оставайтесь на своихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ вы сидѣли. Ба! Да тутъ еще и ряженые... Господинъ помощникъ, поинтересуйтесь: политическія маски... Это очень, очень остроумно... Ну-съ... приступайте къ дѣлу...

Вошелъ помощникъ пристава, еще какіе-то полицейскіе, дворники, понятые, даже какая-то баба.

У паяцевъ руки и ноги опустились. И они упали на стулья. Хозяинъ и его гости напротивъ держали себя корректно, какъ будто обыскъ для нихъ такое же обычное дѣло, какъ для Державина его «обыскъ».

Помните его строку въ «Одѣ Фелицѣ», посвященную женѣ:

То ею въ головѣ ищуся...

Изъ паяцевъ же Иванъ Иванычъ и гимназистъ, оба положительно тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Первый испугался за честь учрежденія, въ которомъ получалъ 100 рублей, а второй за честь гимназическаго мундира.

— Г-г-г-господинъ приставъ, мы не здѣшніе!—заикались они уже не пища, а своимъ голосомъ.

Приставъ посмотрѣлъ на нихъ удивленно:

— Я думаю, что здѣсь, кромѣ госпожи Смирновой, всѣ остальные не здѣшніе... Пріѣзжіе...

— Мы-мы... Въ... ма... ма... скарадъ... господинъ приприпристав.

— Вижу... Но, увы, сегодня вамъ придется проскучать здѣсь... до окончанія обыска я не имѣю права никого выпускать изъ этой квартиры...

— А когда же это окончаніе будетъ?—пробасилъ Милославскій, снимая колпакъ и маску.

Приставъ посмотрѣлъ на часы.

— Сейчасъ около часу... Часа въ три-четыре я васъ освобожу... Квартира до-

UPG5H 3. 1906

Эстелла *(всплеснувъ руками)*. О, безумецъ! зачѣмъ ты произнесъ это слово... При докторѣ нельзя его произносить... Вотъ теперь ты увидишь, что онъ отвѣтитъ намъ...

Докторъ Смердисъ *(впадаетъ въ припадокъ безумія)*. Что конечно, то—конечно, что конечно, то—конечно, ибо безконечное не имѣетъ конца, хотя, конечно, конецъ безконечнаго можетъ быть безконеченъ... Но конечное не можетъ имѣть безконечнаго конца... *(Появляется пѣна у рта, и онъ въ изнеможеніи падаетъ)* хотя, конечно...

Эстелла *(звонитъ)*. Что ты надѣлалъ?.. *(входитъ прислуга)*. Позовите скорѣй доктора, который живетъ черезъ семь домовъ отъ насъ... *(Прислуга уходитъ)*. *(Молчаніе)*.

Эстелла *(загадочно)*. Хочешь я поцѣлую тебя надъ безчувственнымъ тѣломъ доктора Смердиса.

Гого *(страстно)*. Я объ этомъ давно мечтаю.

(Склоняется надъ тѣломъ доктора Смердиса и цѣлуются. Входитъ докторъ Хипсъ. Изъ камина выпадаетъ головешка. Всѣ вздрогнули. Жутко).

Докторъ Хипсъ *(торжественно)*. Отъ великаго спереди одинъ шагъ до смѣшного сзади!

Эстелла. Скажите, докторъ, вѣдь, онъ не умретъ?.. вѣдь, онъ еще проченъ? *(бросается къ доктору Смердису)*.

Докторъ Хипсъ. Старятъ не годы спереди, а испытанія сзади...

Эстелла. О, докторъ, я испытала многое и готова на все!.. Спасите его, и я согласна быть вашей женой!

Гуго. *(падаетъ безъ чувствъ на тѣло Смердиса)*. Эвоэ!...

Докторъ Хипсъ. Но я не знаю васъ спереди, а вы не знаете меня сзади!..

Эстелла. Ахъ, я объ васъ давно слышала многое!..

Докторъ Хипсъ. Но вы меня видите въ первый разъ спереди... И я васъ вижу первый разъ сзади...

Эстелла. *(схвативъ клинокъ со стѣны)*. Такъ вы не хотите жертвы!.. *(Бросается...)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Залъ въ домѣ доктора Хипса. Литературный вечеръ, гости, поэты, драматурги, художники, натурщики и капельдинеры Александринскаго театра. На эстрадѣ люстры. У рояля столикъ, за который встаютъ чтецы. Драматургъ Подерни только что окончилъ чтеніе рукописи. Аплодисменты.

Докторъ Хипсъ. Браво спереди! Браво сзади!..

Докторъ Смердисъ. Браво!.. Въ этомъ нѣтъ смысла, но и безконечность не имѣетъ смысла, но она все же глубокомысленна... Безконечное не имѣетъ знаковъ преписанія и трижды презираетъ букву *ять!*..

(На эстраду входитъ поэтъ Поль Отриганье. Всѣ умолкаютъ. Прислуга тушитъ огни. Въ темнотѣ слышенъ только размѣренный всплескъ стиховъ).

Поль Отриганье. «Счастье». Стихотвореніе, написанное мною 23-го декабря прошлаго года, въ три часа и четыре минуты ночи.

Отложные абрикосы
На бемолевой стѣнѣ
Сини, пасмурны и косы,
Захлебнулись въ тишинѣ
И манятъ меня отъ сплетенъ
Въ мандрагоровъ желтый хоръ,
Гдѣ покой такъ многолѣтенъ,
Какъ овсяный метеоръ...
Что приносится—пріятно,
Что уносится—виссонъ...
Развѣ истина понятна?
Развѣ счастіе не сонъ?
Отложные абрикосы.
На діезовой стѣнѣ
Растрепались, словно косы
Дѣвы-грѣшницы во снѣ...

(Всеобщее смятеніе, Распахиваются двери, и Эстелла, вся въ бѣломъ, съ факеломъ въ рукахъ появляется на эстрадѣ. Ея глаза сверкаютъ. Взоръ ужасенъ, движенья быстры, ликъ прекрасенъ. Ея голосъ звучитъ, какъ потонувшій колоколъ).

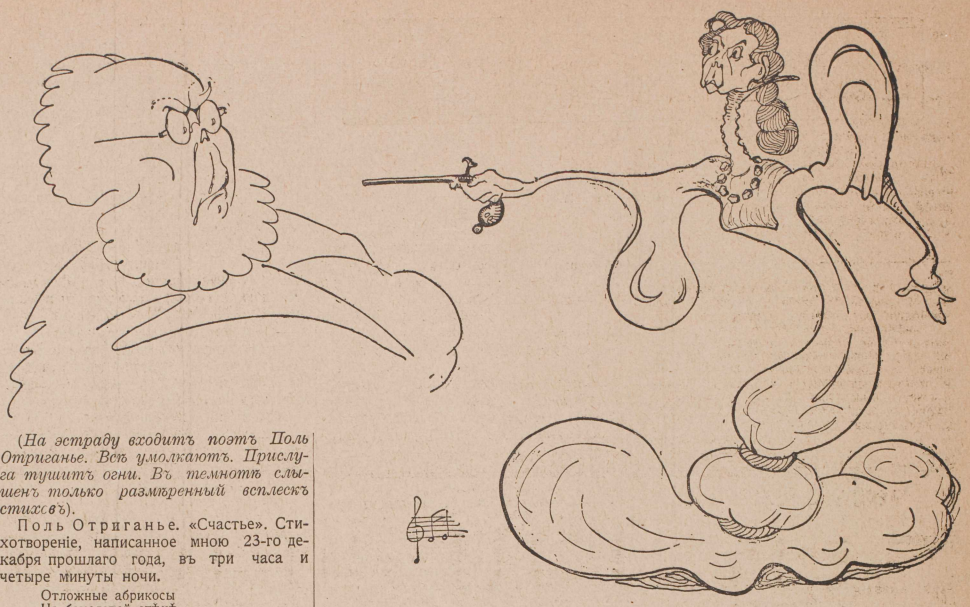
Эстелла. Я поняла!.. Я напряглась и поняла все... Все, чего искала и чего боялась... Я, и никто кромѣ меня!.. *(Впадаетъ въ летаргическій сонъ. Обтее смятеніе усиливается. Зажигаются огни. Всѣ обступаютъ Эстеллу)*.

Докторъ Хипсъ. Скорѣе!.. Воды!.. спереди!.. Валерья новыхъ капель сзади!.. Спасите ее спереди!.. Спасите сзади!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Комната Эстеллы. Ея безчувственное тѣло лежитъ на софѣ въ летаргическомъ снѣ. Поль Отриганье, склонившись надъ нею, блѣдный



ИБСЕНЪ и КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

и разстроенный, скандуетъ стихи Бальмонта. Но потомъ вдругъ перестаетъ, хватается за голову руками.

Поль Отриганье. Возможно ли? Это разгонитъ всѣ иллюзіи любви. Дьявольская проза погубитъ поэзію, какъ сонъ губитъ безсонницу, а безсонница губитъ сонъ. Вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ продолжается ея летаргическій сонъ, вотъ уже семнадцать лѣтъ, какъ Эстелла палецъ о палецъ не ударила... Вотъ уже семнадцать дней, какъ я ее увидалъ, вотъ уже семнадцать часовъ, какъ ее полюбилъ, вотъ уже семнадцать минутъ, какъ ея отецъ шепнулъ мнѣ: «Она будетъ твоей! бери ее! только корми ее...» Чѣмъ кормить? Зондомъ!.. О, неужели нѣтъ друго выхода, исхода, перехода, расхода, прохода!.. Чей-то хохотъ звенитъ у меня въ ушахъ... Ужасна борьба между лирою и зондомъ... поэтъ рожденъ для лиры!.. А жизнь зоветъ для зонда!.. О!.. О!.. Фіолетовые блики мандрагоровыхъ увлеченій!.. Аккустическія гиперболы гиперболическихъ элегантовъ!.. Кто обступилъ меня!.. Ба! знакомыя все лица... Судейкинъ, Кутейкинъ, Четвертушкинъ, Понюшкинъ, Сапунчикъ... Дайте мнѣ Сапунчика... А Гриневская... Дайте мнѣ Изабеллу Гриневскую!.. А это кто?.. Клэлія... дорогая Клэлія!.. А гдѣ же Эстелла... О-хо-хо!.. Но этотъ зондъ!.. О! О! О! *(Впадаетъ въ транъ. За окномъ дождь. Сверчокъ)*.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІД IV.

Огромный залъ въ домѣ умалишенныхъ. Сумашедшіе сумашествуютъ: одинъ ловитъ свою собственную тѣнь, другой старается правой пяткой ноги наступить себѣ на большой палецъ правой же ноги, третій поетъ латинскія исключенія, четвертый стоитъ на одной ногѣ, подобно аисту, пятый вообразилъ себя молодою силою и читаетъ Шекспира сзади напередъ, шестой поетъ «ку-ка-ре-ку», и т. д.

Входитъ завѣдывающій лѣчебницею.

Завѣдывающій. Господа! Сейчасъ въ трехъ каретахъ «скорой медицинакой помощи» привезутъ еще одну партію умалишенныхъ... Готовьтесь... *(Общее смятеніе. Часы бьютъ двѣнадцать. Слышно, какъ къ крыльцу подъѣхали три кареты)*.

Докторъ Хипсъ *(входитъ)*. Нѣмцы не могутъ отказаться отъ приказанія спереди и повиновенія сзади!

Докторъ Смердисъ. Безконечность не имѣетъ своего спереди ни своего сзади. Она не имѣетъ ни наконечника ни набалдашника. Спереди—не начало, сзади—не конецъ. Безконечное, не имѣя ни того ни другого, имѣетъ...

Меланхоликъ № 1 *(подбѣгаетъ къ нимъ)*. Мнѣ приданаго не надо... я уже говорилъ... только, чтобы...

Меланхоликъ № 2 *(перебиваетъ)*. Кофе долженъ быть со сливками... а вы... *(вздыхаетъ и не договариваетъ)*.

Докторъ Хипсъ. Одинъ нѣмецкій поэтъ спереди сказалъ сзади: «ты долженъ властвовать спереди, или слушаться сзади, быть молотомъ спереди, или наковальнею сзади...»

Поль Отриганье *(появляется у входа)*. Эстелла!.. Эстелла! Ты ли меня... Я ли тебя... ха! ха! ха!.. они говорятъ, что я уморилъ тебя!.. И чѣмъ?.. Лирою!.. Они думали что я буду зондомъ!.. Нѣтъ, поэтъ рожденъ для лиры. Я понялъ это и кормилъ тебя стихами... Ты худѣла, блѣднѣла, чахла, сохла... Вымокла, высохла, изъ воды вылѣзла... встала на колоду и... ха! ха! ха!.. опять упала въ воду... *(опомнитись)*. Но что я говорю!.. *(Зоветъ дикимъ голосомъ)* Эстелла! Эстелла!.. Мнѣ сказали. что ты здѣсь!..

Меланхоликъ № 1 *(подбѣгаетъ къ нему)*. Мнѣ приданаго не нужно... я уже говорилъ...

Поль Отриганье *(принимая его за Эстеллу)*. А, это ты, роскошное дитя!.. Ну, слушай же, тебя я тріолетомъ «Кровавый мячъ» порадую:

Не играй какъ мячомъ, моимъ сердцемъ дитя,
Не похоже оно на резиновый мячъ.
Посмотри: ты испачкала кровью, шутя,
Твои ручки... Ты, кажется, плачешь, дитя?..
Ихъ не трудно отмыть... Успокойся не плачь,
Только сердце мнѣ въ грудь, наболѣвшую, спрячь,
И впередъ не играй моимъ сердцемъ дитя,
А бери настоящій резиновый мячъ...

(Ударяетъ себя въ грудь руками и плачетъ. Всѣ рыдаютъ. Меланхоликъ падаетъ на колѣни. Поль поднимаетъ его голову и вдохновенно кричитъ): Ты жива, Эстелла!.. Ты жива!.. Лира побѣдила зондъ! Я не разстанусь съ тобою никогда—ни въ прошломъ, ни въ будущемъ!.. Лира побѣдила!.. *(Падаетъ безъ чувствъ и умираетъ)*.

Меланхоликъ № 2. Я вамъ сказалъ—со сливками!

Занавѣсъ.

МЫ.

вольно большая... Притомъ же удостовѣреніе личности...

— Ахъ!—вырвалось у всѣхъ паяцевъ заразъ и они почувствовали себя политическими преступниками. Они сняли колпаки и маски.

Смирновъ и его гости съ недоумѣніемъ смотрѣли на незнакомыя лица.

— Откуда мнѣ сіе... Вы, вѣроятно, господа, по ошибкѣ сюда...

— Мы къ Еленѣ Михайловнѣ... Она вамъ не говорила?..

— Къ сестрѣ?.. Въ первомъ часу ночи!.. Вчетверомъ!.. Вотъ какъ!.. Нѣтъ, ничего не говорила... Да она и не могла сказать, потому что она сегодня въ театрѣ...

Николай Михайловичъ пожалъ плечами и недовѣрчиво оглядывалъ Милославскаго.

— Да ужъ изъ театра пора вернуться... давно пора...

Шварцъ толково и коротко объяснилъ исторію своего пари.

— А въ самомъ дѣлѣ. Гдѣ Лена? Она должна вернуться!—побезпокоился братъ.

Овѣтилъ дворникъ:

— Онѣ у себя... съ ними дурно... Испужались...

— Будто мы ужъ такіе страшные!..—произнесъ приставъ, вынимая портфель.—Пора къ намъ и привыкнуть.

Въ это время вошла Елена Михайловна. Какъ ни была она разстроена, но увидавъ четырехъ паяцевъ съ носами опущенными въ воду, она не сумѣла сдержать порывъ бурнаго смѣха.

— Сударыня, намъ вотъ нужно удостовѣрить личности этихъ гостей!—съ улыбкой обратился къ ней приставъ.—Не можете ли вы помочь намъ.

— Я, къ сожалѣнію, знакома только съ г. Шварцемъ... Вотъ съ нимъ... Сегодня я держала пари, что узнаю его изъ четырехъ... И вотъ... вы помогли мнѣ выиграть пари... Я его узнаю и удостовѣряю личность...

— Очень радъ, что оказался вамъ полезенъ. Но цѣль моего прибытія, къ сожалѣнію, не столь пріятнаго свойства.

Начали обыскъ серьезнаго свойства. Окончили его къ половинѣ четвертаго.

Паяцевъ, какъ и всѣхъ, раздѣвали и обыскивали. Приставъ хотѣлъ было пріобщить къ дѣлу ихъ костюмы, какъ политическіе, но увидавъ, что они останутся въ одномъ бѣльѣ, сжалился.

— Отобрать у нихъ только колпаки.

Въ четыре часа послѣ операціи удостовѣренія личности, произведенной изъ ближайшаго участка по телефону, приставъ объявилъ паяцамъ:

— Теперь вы, господа, свободны. Можете ѣхать на балъ. Послѣ такой скучной исторіи хорошо и потанцовать.

Но пріятелямъ было не до танцевъ. Унылые, убитые разъѣхались они по домамъ.

Н. ШЕБУЕВЪ.

КОНКУРСЪ ПОЭТОВЪ.

Газета Шебуева объявляетъ конкурсъ:

Тема.—Россія.

Форма.—Сонетъ.

Срокъ подачи.—До 10 декабря 1906 г. Стихотворенія должны подаваться въ двухъ экземплярахъ. Первый экземпляръ долженъ быть четко переписанъ, подписанъ авторомъ и вложенъ въ запечатанный конвертъ съ девизомъ. Второй экземпляръ долженъ быть не подписанъ и вложенъ въ такой же точно конвертъ съ тѣмъ же девизомъ, какъ первый.

Жюри—будетъ состоять изъ четырехъ видныхъ поэтовъ, имена которыхъ будутъ опубликованы въ № 6 газеты, и представителя редакціи.

Премія за сонетъ признанный лучшимъ—25 рублей.

Всѣ непремированные сонеты (кромѣ нецензурныхъ) будутъ напечатаны безплатно.

Жюри при оцѣнкѣ сонетовъ будетъ обращать вниманіе на цензурность стихотворенія.

Написать на тему Россія сильное, но нецензурное стихотвореніе чрезвычайно легко.

Россія—это уже не цензурно!

Написать же сильно, стильно, правдиво, и вмѣстѣ съ тѣмъ цензурно,—вотъ нелегкая задача нынѣшняго конкурса.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ ПРИГЛАШАЕТЪ ОПЫТНЫХЪ АГЕНТОВЪ ПО СБОРУ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Редакторъ В. Я. БЫКОВЪ. Товарищество «Вольная типографія». Фонтанка, д. № 94. Издатель Н. Г. ШЕБУЕВЪ.